

50 коп.

В. КУЗНЕЦОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ПОЛИТРАБОТНИКА

*

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

.....
ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1930 ГОД НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Орган АППО ЦК ВКП (б)

Руководящий журнал в области агитационно-пропагандистской работы партии и печати.

ГОД ИЗДАНИЯ 10-й

В 1930 ГОДУ журнал будет печатать программно-методические указания по каждой беседе всех типов единой партийной школы, по переподготовке партработников, по учебе актива, по всем вопросам пленумов ЦК партии, конференций и съездов, пленумов ИККИ и т. д.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА „Коммунистическая революция“.

Журнал дает руководящие директивные статьи по вопросам политической и организационной линии в агитпропработе партии. В области руководства партпросвещением журнал ставит программно-методическое руководство, давая методические, программные указания для сети партпросвещения и для политического воспитания через систему переподготовки практических работников и систему народного просвещения.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА „Коммунистическая революция“.

ОБЩИЙ. Агитпропработа в реконструктивный период. Агитпропработа в различных отраслях хозяйства. На идеологическом фронте. Вопросы культурного строительства. Массовая работа. Партийное просвещение. Организация и методика. Учеба актива, организация и методика. Наука и высшая школа. Из опыта местной работы. Программно-методические приложения.

ЖУРНАЛ РАССЧИТАН на руководящие кадры агитпропорганизаторов, агитпропработников парткомитетов и ячеек, на пропагандистов всех учреждений партпросвещения и политического образования, на работников периодической печати, секретарей партячеек и зав. АППО парткомов.

В 1930 ГОДУ ВЫЙДЕТ 36 НОМЕРОВ

ТРИ НОМЕРА В МЕСЯЦ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год—7 р. 80 к., на 6 мес.—3 р. 90 к., на 3 мес.—1 р. 95 к.

Отдельный номер 25 коп.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: МОСКВА, ЦЕНТР, ИЛЬИНКА, 3, ГОСИЗДАТ, в отделения и магазины ГИЗ'а.

В. КУЗНЕЦОВ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ПОЛИТРАБОТНИКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

В. Кузнецов — «Из воспоминаний политработника». Настоящие «Воспоминания» принадлежат перу непосредственного участника гражданской войны. Его записки охватывают боевые действия на польском фронте, тяжелые дни нашего отступления из-под Варшавы и события Кронштадтского мятежа, которым в «Воспоминаниях» посвящены наиболее интересные страницы. «Воспоминания» представляют большой интерес для командно-политического состава Красной армии, вместе с тем их можно рекомендовать и нашему гражданскому читателю.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
От автора	4
По партийной мобилизации	5
На польском фронте	15
Отступление	48
В боях за Кронштадт	62

ОТ АВТОРА.

Настоящие воспоминания, предлагаемые вниманию читателя, я начал обрабатывать еще в 1920 году. Перегрузка текущей работой отрывала меня от работы над книгой. Ее пришлось писать с большими перерывами.

На польском фронте я вел дневник. Понемногу, урывками, но все же успевал записывать развитие боев, ход событий вообще. После отступления дневник был утерян. Поэтому некоторые события уплыли из памяти. Но, сверив свои воспоминания с данными ряда официальных документов, внося некоторые поправки, я добился известной точности в описании событий, и только в некоторых деталях могут встретиться небольшие отклонения. Не задаваясь никакими художественными целями, я поставил себе задачу правдиво описать все, как было. Поэтому все действующие лица выведены у меня под настоящими фамилиями.

В. Кузнецов.

ПО ПАРТИЙНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ.

(Лето 1919 г.)

Секретарь волостной ячейки Крылов, не торопясь; почти торжественно зачитывал на внеочередном партийном собрании укомовскую телеграмму:

«Мобилизовать 50% членов партии и отправить их в уезд не позднее 48 часов с момента получения распоряжения».

Спокойным взглядом Крылов обвел наше притихшее собрание.

— Товарищи, как будем намечать кандидатов?

Наступило неловкое молчание.

— Так как же мы решим: добровольно записывать или называть фамилии всем собранием?—продолжал Крылов, начиная уже заметно волноваться.

— Прошу записать меня к отправке,—выкрикнул кто-то сзади срывающимся голосом.

— Я также не думаю оставаться,—заявил Крылов,—пишу свою фамилию к отправке.

— Тогда и меня... И меня...—послышалось со всех сторон.

В результате записались все. Разгорячившиеся ребята вдруг спохватились:—А кто же в волости останется?

— Я предлагаю, товарищи, идти всем,—сказал Крылов,—для работы в волости оставим Сыромятникова и военрука.

— Надо оставить еще Крылова,—выступил Козлов,—у тебя и семья большая и здесь ты нужен, а остальные поедут.

— Теперь не до семьи,—убежденно отмахнулся Крылов,—я поеду, и никаких гвоздей! Есть возражения? Принято. Для объявления слово имеет военрук.

— Товарищи, отправка завтра в 12 часов, подводы будут у волости. Тем, которые из других сел, взять подводы через сельсоветы до уезда.

На этом собрание закончилось.

На другое утро за мной заехала подвода. Я быстро оделся и пошел из избы, ни слова не говоря матери. Но она, чуя недоброе, крепко уцепилась за мой рукав:

— Васенька! Что ж это!?! Знать, и тебя уж берут, четвертого (три моих брата давно уже были в Красной армии),—бессвязно забормотала мать, тревожно заглядывая в мои глаза.

— Не плачь, мать, я еду в город... На собрание... Наверное завтра вернусь.

Я старался солгать спокойнее, но чувствовал, как горячая волна подкатывает к моему горлу. Крепясь изо всех сил, я торопливо поцеловал мать и сел на подводу.

Возница взмахнул кнутом, телега заскрипела, тронулась с места, и мы покатили.

Город, уком, вокзал, все это пронеслось, как во сне. Перед погрузкой в эшелон—митинг на платформе. От профсоюзов, от исполкома, от укома—все выступавшие заверяли уезжающих, что о семьях будут заботиться и фронту помощь будут давать непрерывно. По окончании митинга я решил сообщить матери о своем отъезде. Написал письмо, вложил в конверт остаток своих денег и послал все это с подводчиком в село.

Мерно постукивали колеса теплушек по рельсам. Настроение у мобилизованных—боевое, приподнятое. В вагонах люди разных возрастов—безусые, вроде меня, бородатые, но крепко спаянные общим энтузиазмом.

Сам я сельский учитель, совсем недавно вступивший в партию, полон был неподдельного юношеского

задора и желания храбро воевать против белых. Хотя должен признаться, что о будущем у меня было самое туманное представление.

Я жадно всматривался в лица, вслушивался в оживленные разговоры и восторженно думал: скоро мы вольемся в красноармейские части. Вот, например, Крылов, сухой и неуклюжий, славный большевик, прекрасный и чуткий товарищ. Из него непременно выйдет отличный политрук.

В соседнем вагоне дружно пели «Варшавянку»:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Близость предстоящей борьбы влиwała какой-то особый глубокий смысл в знакомые слова песни.

На станциях и полустанках к вагонам подходила словоохотливая публика, и начинались расспросы:

- Далеко ли путь держите?
- Колчака бить едем!
- Чехов потрошить!

На каждой более или менее продолжительной остановке ребята выходили «агитнуть». У теплушек мигом разгорались страстные споры о политике.

В Симбирск, свой губернский город, приехали рано утром. У вокзала выстроились «по четыре» и пошли пустынной улицей. В голове колонны развевалось красное знамя. Мы чувствовали себя уже совсем по-военному, старались итти нога в ногу, молодежато отчеканивая шаг.

В передних рядах запели:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе.
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Песня будоражила каждого из нас и будила спящий город: сонные жители открывали окна и пугливо оглядывали марширующий отряд. Эта пугливость нам была понятна: недалеко от города находился Колчак.

Днем я отыскал своего старшего брата Николая. Его рота занимала небольшой деревянный дом на Гончаровской улице. Я попал к брату в обеденное время, когда большинство красноармейцев лежали на своих кроватях.

Из разговоров с ними выяснилось, что почти все они— народ стреляный: многие прошли огонь империалистической войны, другие успели уже подраться и на фронтах гражданской. В их речах прорывались усталость и озлобленность.

— Это хорошо,—нето одобряя, нето насмехаясь, говорил мне один,—что вы идейно за советы, а вот в советах-то и не все ладно. Мы тут насчет своей кухни ходили-ходили, и ходить надоело. Все равно без толку, ни черта не ремонтируют—кашу варить нельзя.

— Да што там толковать! Копались мы в земле, гнили в окопах, ну и дальше так будет.

— Обрадовались свободе, а теперь опять иди воевать.

— Жрать нечего. Животы подводит.

— Набралось всякой швали до чорта—слов много, а дела нет!

В дальнем углу быстро встал командир роты. Надевая пояс, он резко сказал:

— Бросьте трепаться. Выходит так, что, пока кашей кормят, все хорошо. Подальше смотреть надо!

Красноармейцы замолчали. Кто-то примирительно пробормотал:

— Так-то оно так... Конечно, пока начало...

Наговорившись вволю с братом, я отправился к своим коммунарам, которые расположились в одной из городских школ. Я шел, глубоко задумавшись, перебирая впечатления первого знакомства с суровыми буд-

нями армейской неустроенной жизни. «Держись, Кузнецов. Тебе предстоит держать труднейший экзамен на большевистскую стойкость и мужество», думалось мне.

Было уже темно, когда я пришел на место. Меня ожидали товарищи ужинать. Мы жадно уничтожили по одной вобле, напились чаю и улеглись спать. Я долго ворочался с боку на бок и только под утро заснул тяжелым, беспокойным сном.

Утром выдали обмундирование. Все переделались и совершенно изменились.

— Кузнецов,—подошел ко мне мой земляк Козлов.— Пойдем к Варейкису. Он выбирает из отряда часть ребят политруками в маршевые роты. Все равно разбивать будут, целиком не пошлют.

Я согласился с ним, и мы пошли в губком. Варейкиса застали одного в кабинете.

— Мы пришли к вам с просьбой послать нас политруками в маршевые части,—заявил Козлов.

— Это, пожалуй, можно,—ответил Варейкис.—Только многих мы уже направили. Вас, вновь прибывших, мы сначала обучим и тогда уже вольем группой.

— Мы и там обучимся,—настаивал я.—Ведь нужно же кому-то вести политработу.

— Так-то оно так, да что же это вы, ребята, все насчет политики. Колчак на нас с винтовкой, а мы против него с евангелием?!

— Ну и что же, если евангелие-то наше коммунистическое.

— Нет, товарищи, оставайтесь пока на месте, а потом видно будет,—решиительно сказал Варейкис.

Вскоре меня назначили политруком в запасный полк, занимавший Ленкоранские казармы. Их угрюмый, нежилой вид производил удручающее впечатление.

Выбитые окна были заделаны досками, фанерой или

просто мешковиной, отчего казармы казались еще грязней. Во дворе было душно и пыльно, пахло невычищенными уборными и селедкой из открытых кухонь. В эти казармы еженедельно прибывали новые пополнения, сменяя уходившие на фронт маршевые роты.

В первый же вечер, после ужина, я пошел во взводы. В казарме стоял невообразимый галдеж. Я остановился около одной группы бойцов и стал внимательно прислушиваться. Шли споры о боге.

— Почему это у нас в казармах нет икон?—горячился один молодой красноармеец.—Зачем большевики задевают бога и попов?

Ему отвечал пожилой красноармеец с рыжими усами, лохматой головой:

— Я так понимаю: што не надо икон и бога, же надо. Обойдемся!

Но этот ответ был неубедителен. Кружок раскололся пополам, одни говорили, что религия нужна, другие видели в ней зло, но толком ничего объяснить не могли.

У меня самого багаж знаний по части антирелигиозных вопросов был не велик, о чем мне пришлось только пожалеть. Я как умел обратился к кружку с разъяснениями.

— Товарищи, давайте разберемся, из-за чего велась прошлая война, кто ее поддерживал. Кто молился о даровании победы? Попы. Кто проливал свою кровь? Рабочие и крестьяне. Кому была нужна война? Буржуям и помещикам. А попы от имени бога вели нас на убой. Разве можно после этого поддерживать религию?

Я привел еще ряд примеров, правда плохо вяжущихся, но тем не менее окружавшие слушали меня с большим вниманием. Видимо, все были рады, что нашелся человек, хоть немного больше их знающий.

Со всех сторон посыпались вопросы, то враждебные,

то пытливые. Спрашивали о происхождении грома, дождя, о том, кто создал мир, и пр.

Завязалась задушевная беседа, и наш кружок постепенно увеличился. Подавляющее большинство красноармейцев встало на мою сторону. И только поздно вечером, когда все начали расходиться по нарам, два ярых богопоклонника крикнули мне:

— Все-то вы врете, а они, дураки, и уши развесили.

На следующее утро в полк пришли тт. Арон и Фурманов. Первый был одним из руководителей Политуправления восточного фронта, второй—инструктором. Они собрали всех политруков и вместе с военкомом начали толковать насчет того, чтобы организовать в полку политические занятия. Для того времени это было совершенно новым делом.

Решили, не откладывая в долгий ящик, начать занятия в этот же день. Договорились с командованием—проводить занятия два-три раза в неделю после строевых часов.

Вечером пришлось проводить первый политчас. Тема—«Октябрьская революция».

Из пособий я ничего подходящего достать не успел и набросал себе конспект по памяти.

Полк расположился на лужайке по-ротню. Кто лежал, кто сидел. Я вошел в круг и сразу почувствовал на себе сотни красноармейских глаз. Загорелые, запыленные, усталые бойцы не обнаруживали большой охоты слушать.

Я говорил около получаса о Феврале, о причинах Октябрьской революции, о гражданской войне. Но едва успел кончить, как посыпались вопросы, которых я меньше всего ожидал.

— Когда нас поведут в баню?

— Почему нет обуви и белья?

— Долго ли будут кормить тухлой селедкой?

Я на минуту растерялся. Мне совершенно не было известно, позаботился ли полк об устранении всех этих недочетов. Здесь была вина военкома, который не информировал политруков о действительном состоянии полкового хозяйства. Пришлось выкручиваться общими фразами.

— Товарищи, республика отбивается от врагов, нападающих со всех сторон. Хозяйство нам оставили в развале, ради окончательной победы придется всем потерпеть.

Впоследствии, в тяжелые моменты, мне не раз приходилось агитировать и убеждать такими же доводами, и, что изумительнее всего, эти общие, приевшиеся для меня фразы действовали на массу необычайно сильно. Бывали, правда, случаи, когда двое-трое не поддавались агитации и продолжали бюзотерить.

Мой первый политчас дал мне многое в смысле знакомства с настроениями красноармейцев, их запросами и нуждами. Во всяком случае у меня уже не было прежней неуверенности за себя, за свой подход к рядовому бойцу.

Вечером пошли на митинг. Митинги в то время являлись главной, основной формой политработы. С речами выступили инструктор Бейнарович и два политработника.

Перед открытой сценой, наскоро сколоченной, собрался весь запасный полк. Слушали хорошо, аплодировали, а, когда ораторы кончали, из толпы неожиданно раздавались возгласы:

— Почему отбирают под чистую хлеб в деревне? Почему ввели поголовную подразверстку?

— Вот письмо,—азартно кричал молодой, здоровый красноармеец,—отец пишет, что две коровы взяли, квитанцией расплатились.

— Тут вой, а там безобразие!—враждебно урчала

аудитория, все больше и больше настраиваясь против ораторов.

Красноармейцы вскакивали, поднимая галдеж, и митинг быстро превращался в многоголосую сельскую сходку. Когда звонок председателя успокаивал наконец аудиторию, докладчик вновь начинал свою речь уже по поводу брошенных вопросов. Такие доводы, как «ошибки возможны», «надо смотреть в корень», «сами виноваты, что кулаков в сельсоветы посадили», «без лишений не победить врага»,—быстро действовали на массу.

Взятая в руки аудитория снова аплодировала, но снова колючие вопросы о реквизиции, о разверстке, и опять буза.

Председатель неоднократно призывал к порядку, приглашая выйти на сцену и высказаться. В ответ неизменно слышалось:

— Мы не умеем со сцены, мы и тут скажем.

После митинга дружно пели «интернационал», но расходились медленно, продолжая горячо спорить между собой. Этим пользовались партийцы, в первую очередь политруки. Мы разбивались по группам и, прислушиваясь к разговорам, незаметно поворачивали их на свой лад. Эти беседы давали хорошие результаты; нередко красноармейцы настойчиво добивались у партийца сказать, кто он, в какой роде служит:

— Уж очень понятно все растолковываешь!

Вскоре меня с группой других политработников перебросили в Сенгилей в Татарскую бригаду. Политуправление восточного фронта получило донесение, что там неблагополучно: бригада из-за недостатка обмундирования волновалась.

В Сенгилей прибыли также Арон и Фурманов.

В день нашего приезда волнение едва не вылилось

в восстание. Утром 7-й полк частично выступил из казарм и рассыпался по городу. 6-й полк, прослышав об этом, тоже забрал оружие, но военком Сергеев в последнюю минуту удержал их от выступления. Красноармейцы нехотя составили винтовки и с руганью разбрелись по нарам.

Арон распределил прибывших политработников по полкам и дал задание разъяснить положение на фронтах и хозяйственные вопросы.

Усиленный темп политработы и прибывшее вскоре из Симбирска обмундирование наладили дело, и бригада снова приняла внушительный боевой вид.

Некоторое время спустя ее перебросили в Пермь. Я поехал секретарем военкомбрига.

В Перми в это время свирепствовал тиф, который не пощадил, конечно, и наших бойцов, живших в сырых, нетопленных и грязных казармах. Болезнь приняла ужасающие размеры. Каждый день весь состав пермских извозчиков увозил из казарм по нарядам ревкома сотни больных.

Через месяц, когда бригаду перебросили в Ирбит, из нее едва удалось сформировать лишь один батальон, остальные 8 батальонов имели только поредевший комполитсостав.

Но бригаду начали быстро пополнять. Полки получили крепких, надежных бойцов из крестьян и рабочих Урала. Пополненцы говорили:

— Нас, братцы, Колчак научил, мы теперь знаем ему цену.

В течение двух-трех месяцев полки были вполне подготовлены в обегом отношении, но так как Колчака уже добивали, то бригаду оставили до распоряжения в Ирбите.

Меня взяли в 5-й полк 2-й Уральской бригады, с которым вскоре и пришлое выехать на польский фронт.

НА ПОЛЬСКОМ ФРОНТЕ.

(1920 г.)

После тяжелых упорных боев в мае и июне месяце XI Петроградская стрелковая дивизия, сильно поредевшая, отошла на линию озер Сшо и Долгое Витебской губернии. Преследуемая неприятелем, она остановилась здесь в ранее приготовленных окопах. Непрерывные походы и бои измотали красноармейцев до крайности. Надо было дать им небольшую передышку, привести себя в порядок и, набравшись свежих сил, снова ударить на врага.

В течение двух недель в дивизию влились 2-я Уральская бригада и батальоны с Поволжья. Остальные части фронта также усиленно пополнялись, оправляясь от выдержанных боев.

На северный участок фронта прибыла кубанская кавалерия и конный корпус Гая. Весть об этом, облетевшая в один день все части, вызвала среди бойцов необыкновенный подъем. Кавалерия пользовалась огромной популярностью: об ее отважной боевой работе в прошлом знал каждый красноармеец.

Мощь западного фронта росла не по дням, а по часам. В первых числах июля части, окрепшие и отдохнувшие, были готовы к новым схваткам с белополяками. Ожидали только приказа.

Приказ получен. Завтра в 5 часов утра весь западный фронт переходит в наступление. Штаб 91-го полка, стоявший до сих пор спокойно, зашевелился. На повозках штабной команды укладывали вещи, стучали чайниками. В тесной, прокуренной и закопченной избе, в которой размещался штаб, царило необычайное оживление. На столах появились двухверстки, чертились разграничительные линии. Командир полка—Иванов, спокойный умный офицер военного времени, диктовал приказ адъютанту Васильеву. Комиссар Солодов, крепкий рабочий-

нижегородец, инструктировал политрабтников. Я, его помощник, прислушивался, приглядывался ко всему, ошеломленный, сбитый с толка лихорадочной суетней, обычной перед каждым большим боем.

Все знали, что операция предстояла решительная.

Противник занимал сильно укрепленную полосу. Его окопы, защищенные несколькими рядами проволочных заграждений, проходили по небольшой возвышенности, имея на флангах два озера—Спо и Долгое. Проходить нужно было между озерами по перешейку, совершенно открытому для обстрела. Вражеские позиции казались нашим молодым, необстрелянным бойцам-пополненцам, прибывшим в полк неделю назад, неприступными.

Когда стемнело, помкомполка Смирнов и я направились в цепи.

В окопах тихо. Все говорят полушопотом. В этой пугающей тишине излишне звонко забренчал чей-то котелок. В стороне послышалась перебранка:

— Тише ты, чорт. Услышит поляк, даст в эту кучу, будешь тогда знать...

Землянка командира I батальона. Вошли в нее, низко согнувшись. На полу, солома, гранаты, патроны. В середине еле мерцал огонек: жгли обрывки телефонного кабеля. Один из красноармейцев возился с куском проводки, усердно стараясь дать больше света. Комбат Кутейников, стоя на коленях, надевал сумку, наган, бинокль.

— Все ли готово?—спросил я.

— Так точно,—быстро ответил комбат.

— Здесь комбат первого?—раздался вдруг голос у землянки.

— Здесь.

— Я—красноармеец 97 полка, прислан к вам для связи; мы стоим у вас на левом фланге.

— Иди сюда.

И опять все смолкло.

Я должен был получить первое крещение огнем и свинцом. Выдержу ли я боевой экзамен?—Эта мысль больше всего беспокоила и тревожила меня. Я был охвачен тем сильным волнением, которое испытывает каждый человек, впервые принимающий участие в бою.

Ровно в 4 часа утра стрелки должны были выйти из окопов и незаметно занять исходное положение перед атакой. Вслед за тем должна была начаться артиллерийская подготовка. Задача артиллерии—разбить окопы и в первую очередь проволочные заграждения неприятеля. В 5 часов цепи должны были быстрым натиском выбить противника из окопов и преследовать его.

Так говорилось и в приказе по полку...

До начала операции еще три часа. После тяжелого дня чувствовалась сильная усталость, но о сне почему-то не думалось...

Наконец полушопотом подана команда. Незаметно, без шума, бойцы стали выходить. Скрываясь за небольшими кустиками, тихо двигаясь по лощинке, цепь пошла вперед. Окопы опустели.

Кругом тишина.

Внезапно раздался резкий ружейный выстрел. Мы замерли на месте.

Но снова наступила тишина, от которой лихорадило. Она продолжалась пять-десять минут, показавшихся мне чересчур долгими...

Тишину разорвал оглушительный треск. Началась артиллерийская подготовка. Наши снаряды летели в окопы поляков, со страшной силой разрушая их укрепления.

Противник также стал отвечать. Пристрелявшись ранее, он бил по только-что оставленным нами окопам.

Сильный сплошной гул продолжался около часа. Казалось, что на десятки километров не было ни одного человека и только невидимые чугунные машины упорно творили свое жестокое дело.

Артиллерия смолкла.

По окрестности мощным эхом прокатилось «ура». Красные цепи, словно выросшие из-под земли, бросились на неприятельские окопы, рубя проволоку шапками, разрывая ее прикладами.

Навстречу беспорядочный треск ружей, пулеметов. Противник, растерявшийся от быстрого и дерзкого нападения, в панике бросился бежать, оставляя пленных, оружие, снаряды.

Солнце уже взошло, с трудом пробивая свои лучи сквозь пороховой дым. Бойцы стремительно катились вперед, преследуя по пятам отступающего противника.

Над головой непрерывно разрывались шрапнели, оставляя перед глазами ярко блещущий огненный знак и клубок черного дыма, медленно плывущий вверх. Впереди и позади нас летели осколки, поднимая мелкую дорожную пыль.

На левом фланге я заметил Глаголева, знакомого мне по Уральской бригаде. Бывший офицер, беспартийный, он командует временно 93-м полком.

Еще по дороге к фронту мне пришлось много спорить с ним. Его сбивчивые, путаные формулировки казались очень подозрительными. А сейчас... Раскрасневшись и задыхаясь от быстрого бега, стреляя на ходу из нагана, Глаголев, увидев меня, захлебываясь, кричит:

— Ура, Кузнецов, даешь!

Я, также волнуясь, отвечаю:

— Даешь, Глаголев!

★

Противник отступил за реку Соша, укрепившись на другой стороне. Небольшая, но топкая река с разрушенными мостами представляла для нас серьезную преграду.

Мы залегли по эту сторону, и начался жестокий огневой бой. Артиллерия противника и наша не уступали

друг другу в упорстве. Земля дрожала от грохота рвущихся снарядов.

Шесть пулеметов, поставленных на линии полка, выпускали ленту за лентой; по ложине ползком подтаскивали патроны, уносили пустые коробки.

Я и Смирнов лежали в 40 шагах от цепей у полевого телефона, связывавшего нас со штабом полка.

— Немедленно переходите реку!—категорически потребовал командир полка.

— Никак невозможно!—ответил Смирнов, вздрагивая и ежась, стараясь укрыться в ямке, где был установлен телефон.—Поляки бьют, как бешеные, головы нельзя поднять...

— Пошел ты... Приказываю немедленно перейти в атаку, мы должны помочь левофланговому полку нашей бригады—иначе его фланг будет открыт.

— Товарищ Кутейников,—подозвал Смирнов комбата.—Комполка приказал переходить реку. Отдавайте распоряжение.

— Это совершенно немыслимо,—решительно сказал Кутейников и подошел к телефону. Он вызвал комполка, но через минуту весь красный бросил трубку и пошел к пешей разведке.

Начальник разведки лежал в цепи. Кутейников отозвал его к себе и передал ему приказание.

Удалов, никогда не возражавший, кряхтя пополз вперед. Одетый, кроме фуражки, во все польское, взятое у противника в боях, он походил скорее на познанца, чем на нашего командира.

— Братва, за мной!

Разведчики, крепко любившие своего начальника, не раз бывавшие с ним в труднейших положениях,—ни слова не говоря, поднялись. Однако огонь был настолько губителен, что они не выдержали и вынуждены были залечь...

Солнце уже спускалось за лес, а грохот боя еще не прекращался.

Главные усилия 11-я стрелковая дивизия сосредоточила на «Перевозе». Здесь бойцы неоднократно пытались перейти в атаку, но противник бешено хлестал свинцом, и нам приходилось снова залегать.

Наступила ночь. Редкий треск ружей не прекращался. Часовые, напрягая уставшее зрение, зорко всматривались сквозь кустарник в сторону врага.

Красноармейцы обессилели: с самого начала наступления они перекусили лишь холодной каши, так как кухни подойти не могли.

К утру стало немного спокойнее...

— Давай перекусим консервов,—обратился ко мне Смирнов,

Распечатали одну коробку, начали резать хлеб... Вдруг в цепях шум.

— Познанцы, поляки!—закричали красноармейцы и в беспорядке бросились утекать в лес.

Кутейников и Смирнов куда-то исчезли. Впопыхах я выхватил наган и, не раздумывая, бросился к цепям.

— Товарищи, назад, за мной!

Но красноармейцы, не задерживаясь, бежали мимо и скрывались в лесу.

Я остался один. Передо мной в сорока шагах мелькнули четырехугольные фуражки познанцев. В глазах зарябило. Меня охватила беспомощная злость на всех и на себя.

Я быстро повернул назад и, не оглядываясь, ожидая каждую минуту вдогонку меткую пулю, пошел догонять своих.

После выяснилось, что в то время, как мы отошли в лес, левофланговый батальон 91-го полка ударил штыковой атакой на познанцев, и те вновь перекатились через реку.

От утреннего боя остался неприятный, тяжелый оса-

док. Я долго мучился тем, что красноармейцы не пошли за мной. Объяснение моей сегодняшней неудачи могло быть только одно: нельзя перебрасывать работников и давать их в новые части перед большим боем.

Белополяки отступали по всему фронту, не будучи в силах удержаться ни на одном рубеже.

По пути своего панического отступления они в бесильной злобе взрывали мосты и сжигали белорусские деревни за малейшее подозрение в симпатии к большевикам. В одной деревне, например, крестьянин-бедняк просил, чтобы поляки не брали в обоз его единственную и к тому же большую лошадь. Крестьянина выпороли, взяли с собой, а деревню сочли сочувствующей коммунистам и приказали жолнерам зажечь.

Надо ли говорить, что белоруссы-крестьяне встречали Красную армию как свою избавительницу, стараясь оказать ей всяческое внимание и помощь. Батраческая масса в первое время не знала, что делать с имуществом убежавших панов. Красноармейцы смеялись над ними:

— Мы в России уж и забыли, когда нами распоряжались. Сами теперь хозяева: и земля наша, и заводы наши.

Начали создаваться ревкомы. Трудящийся, разоренный народ Белоруссии получил возможность управлять собой.

Красная армия, переходя громадные пространства, стремительно преследовала противника, не давая ему времени оправиться от жестокого поражения.

Наша дивизия, делая ежедневно двадцати-тридцатикилометровые переходы, подошла к реке Вилия.

Бойцы перешли реку вброд; за ними переправились повозки с дулеметами и огнеприпасами. Части спешили дойти до деревни Рабунь, чтобы здесь остановиться переночевать.

Наша разведка ушла километра на 2 и никаких сведений не давала. Все были уверены, что деревня противником не занята и нам в ней удастся наконец отдохнуть. Отдых, хотя бы кратковременный, был совершенно необходим, так как красноармейцы вымотались до последней степени.

Спокойно вошли в деревню, и вдруг где-то совсем близко застрекотал пулемет. Поднялся всеобщий переполох.

Командиры отвели назад повозки, рассыпали бойцов в цепь и начали наступление. Дойдя до конца деревни, мы столкнулись с нашей пешей разведкой, которая вела бой с разведкой противника и успела уже взять в плен семь поляков и пять хороших английских лошадей.

Пленные рассказывали, что они высланы в качестве квартирьеров в д. Рабунь и что вслед за ними идут пехотные части.

— Мы были уверены, что красные еще далеко, не ближе 40—60 километров отсюда.

Узнав, что белые могут с минуты на минуту нагрянуть сюда, полк вновь рассыпался в цепь и выслал вперед пешую разведку.

Ожидать пришлось недолго. Польские наблюдатели заместили нас и начали обстреливать деревню из артиллерии.

Моя лошадь осталась позади, и я едва волочил ноги. Мне смертельно хотелось спать. Вошел в крайнюю халупу. Хозяйка и двое ребятишек боязливо жались по углам. За окном рвались снаряды, грохотали наши гаубицы, стоявшие на огородах. Убогая избушка вздрагивала, стекла жалобно звенели и падали на пол. Я влез на голые доски деревянной кровати, пытаюсь вздремнуть. Закрывая и открывая глаза, я прислушивался к орудийному гулу. Наконец встал и вышел на улицу. По дороге присоединился к командиру и военкому полка. Мы влились в ряды бойцов и залегли.

Из леса показались густые цепи поляков, поддерживаемые артиллерией.

Красноармейцы лежали спокойно, ожидая приказаний от своих командиров. Не встречая сопротивления, белополяки с винтовками наперевес нагло лезли вперед. Они подошли уже совсем близко.

— Видать свежие,—рассуждали между собой красноармейцы.

— Ребята, следите за сигналом командира; он в середине,—передали по цепи.

— Ох, и уснем же потом, братцы!—сладко размечтался вслух молоденький щуплый красноармеец.

— Гляди, как бы не пришлось проснуться на том свете,—зло пошутил кто-то в ответ. Послышался сдержанный смех.

— Вперед!—крикнул громко командир полка Иванов и, выхватив наган, бросился перед цепями.

Поляки, очутившись внезапно лицом к лицу перед красными, от неожиданности растерялись. Один-два беспорядочных выстрела, и жолнеры ударились в самое паническое бегство, оставляя раненых, бросая оружие и патроны.

Не дойдя до леса, мы залегли, ожидая новых распоряжений. Усталость была так велика, что через десять минут все захрапело беспробудным сном. Только часовые, борясь с дремотой, зорко наблюдали за противником, выдвинувшись впереди своих цепей.

Дивизия выходила на линию местечка Криво—Сморгонь. От прошлой войны здесь сохранились сильно укрепленные цементированные немецкие позиции, защищенные проволочными заграждениями в несколько рядов. Поляки не замедлили ими воспользоваться. Они приспособили свои пулеметы, автоматы и артиллерию и ждали нашего появления.

Выбить неприятеля из этих укреплений представляло чрезвычайно трудную задачу. Местность для нас была крайне невыгодная. Красным войскам предстояло спуститься с небольших, совершенно открытых сопок, доступных отличному наблюдению врага.

Атаковать противника было приказано 32-й бригаде, той самой, которая в конце июня пополнилась уральскими полками. В одном-двух километрах от нее стояла наша 31-я бригада, рядом с ней артиллерия дивизии.

Снаряды с визгом летели через головы бойцов. 31-я бригада, находясь в резерве, получила приказание быть каждую минуту готовой, чтобы оказать поддержку передовым полкам.

Артиллерия смолкла. Все напряженно ожидали результатов первой атаки. Из соседнего полка донесли:

— Батальон 96-го полка не выдержал. Противник засыпал градом пуль, и цепи откатились обратно.

Из бригады пришло немедленно приказание:

— 91-му полку продвинуться ближе к атакующим.

Наша артиллерия вновь открыла ураганный огонь. 32-я бригада выделила в атаку утроенные силы. Немного спустя орудийный грохот прекратился, а через полчаса нам сообщили:

— Окопы противника в наших руках.

Вскоре удалось узнать подробности. После первой неудачной атаки 96-й стрелковый полк, приведя в порядок свои расстроенные ряды, снова двинулся на неприятельские окопы. На этот раз в атаку были брошены все силы полка. Цепи шли одна за другой, не обращая внимания на огонь поляков. Около проволочных заграждений произошла задержка, так как артиллерия сделала слишком мало проходов.

Кроме того красноармейцы были босы, получили тяжелые царапины. Однако, не растерявшись, они снимали гимнастерки, рвали рукава и обматывали ими ноги. Разрывая проволоку, прикладами, перескакивая через

нее, наши бойцы стремительным ударом выбили поляков из укреплений.

1-й батальон 91-го полка получил задание связаться с кубанцами, которые, двигаясь правее нас, прорвались к неприятелю и потеряли связь с частями 11-й дивизии. С батальоном пошел и я. После дневного перехода, уже к вечеру, нам стали попадаться части 33-й Кубанской дивизии. Вот и главные силы. Васильковский полк сообщил:

— В 4 километрах от нас части отступающей Познанской дивизии. У местечка Гераноны сосредоточен громадный обоз, артиллерия и пехота.

По получении более подробных сведений от разведки, кубанская кавалерия начала наступление. Батальон 91-го полка пошел за левым флангом кубанцев, держась уступом.

Противник открыл сильный огонь. Кавалеристы развернулись цепью и, держась опушкой леса, двинулись к Геранонам. За несколько километров можно было видеть еледвигающийся громадный обоз противника и его пехотные части, старавшиеся во что бы то ни стало отстоять свое имущество.

Обращала на себя внимание прекрасная, четкая боевая работа кубанцев-артиллеристов. Лихой взвод конной артиллерии юстанавливался на всем скаку, быстро поворачивал орудия к противнику, снимался с передков и гвоздил прямо по обозу познанцев. В этот момент второй взвод артиллерии двигался за цепью и, как только орудия заднего взвода умолкали, юстанавливался и продолжал вести обстрел. Таким образом, оба взвода чередовались, не прекращая меткой стрельбы ни на минуту.

Один снаряд разорвался прямо в голове обоза, убив часть лошадей и юстановив всю обозную вереницу. Но поляки не уступали,—они быстро повернули часть орудий против красных, заработали также и привинченные

к повозкам пулеметы. Противник проявлял огромное упорство, желая отстоять свои обозы и в особенности тяжелую и легкую артиллерию.

Бой принял ожесточенную форму.

Местность совершенно ровная, как учебный плац. Все войска видны до последней подробности.

Нашим пехотным частям удалось проскочить впереди кавалерии. 93-й полк уже продвигался боевыми цепями с намерением ударить в лоб противнику, который усилил огонь. Кубанцы-кавалеристы разделились: часть пошла обхватом вправо, и часть влево. Они старались возможно ближе подобраться к неприятелю незамеченными. Операция развивалась с поразительной стройностью.

В 900—950 шагах от противника кубанцы с гиканьем вылетели вперед.

Но что это было за гиканье! Русское «ура» смешалось с казачьим «гей» в сплошную могучую волну. Левая цепь кавалеристов выравнивалась своим флангом с правой, и получилась единая боевая лента, угрожавшая смести все на своем пути. Разгоряченные кони мчались во весь опор. Сверкнули шашки. Первые кубанцы врезались в ряды поляков. Уже работали штыками и наши во-время подоспевшие пехотинцы.

Познанская дивизия не выдержала натиска и поспешно отступила в лес, оставив в наших руках все свое хозяйство.

Любят, однако, кубанцы порастрасти захваченные обозы! Они так увлеклись этим делом, что прекратили преследование врага, который и не замедлил этим воспользоваться. Поляки неожиданно появились из лесу и перешли в контратаку, внося в наши ряды небольшое замешательство. Но бойцы 93-го полка, находившиеся еще в цепи, как один человек, бросились вновь на противника и нанесли ему сокрушительный удар. Поляки удрали окончательно. В качестве трофеев мы получили

30 орудий, около 100 пулеметов и громадный обоз с имуществом.

Этот день (16 июля) памятен для нас, и 93-й полк (ныне 31-й) по справедливости называет его своим историческим днем.

Польские войска получили приказ во что бы то ни стало отстоять Неман. По словам пленных, офицеры, объясняя солдатам задачу, говорили:

— Будем драться до последнего жолнера, но красных через Неман не пропустим.

Поляки получили свежие пополнения; в их части влилось несколько новых легионов.

23 июля наша бригада сосредоточилась в лесу, на берегу Немана и ждала приказания. Вскоре из дивизии пришло приказание:

— Части 33-й бригады ночью переправились через Неман и ведут упорный бой на западном берегу. 31-й бригаде немедленно вброд переправиться через Неман и повести наступление в направлении м. Волпа.

Бойцы 91-го полка ровной цепочкой потянулись к переправе, нащупанной заранее. Красноармейцы раздевались, укладывали ботинки и шаровары в вещевые мешки и взгромождали их себе на головы. Поверх мешка—винтовка. Входили в воду, придерживая ношу обеими руками.

Противник заметил переправу новых частей красных. Принимая упорные меры сбросить в реку уже переправившиеся части, он начал обстреливать и самую реку из мелкокалиберных орудий. Когда я вошел в воду, меня невольно взяла оторопь: вправо и влево податься нельзя—слишком глубоко, а по полосе брода противник брал прицел все вернее и вернее. Кругом летели крупные брызги от разрывающихся снарядов, свист которых был похож на визг поросят. Ощущение, во всяком

случае, очень неприятное, может быть потому, что под огнем «макленок» я очутился впервые.

Полк благополучно переправился и быстро ввязался в бой. На левом фланге противник перешел в контратаку, и I батальон начал постепенно отходить. Создалось серьезное положение. Поляки угрожали сбросить нас в реку.

У перевоза образовалась толчея. Боевой обоз шел непрерывной лентой; выезд на западный берег крутой, неудобный: артиллерию вытаскивали с большим трудом. Наконец вся пехота переправилась, и кубанцы, несмотря на большую усталость, стремительно бросились на польские легионы, но, встреченные сильным ружейно-пулеметным огнем, вынуждены были залечь и затеять бесцельную перестрелку.

Поляки между тем подтягивали силы, твердо решив сбросить нас в воду. Раздумывать было некогда. Приведя в порядок свои ряды, мы снова пошли в атаку. Огонь пулеметов на этот раз не остановил наших цепей, неудержимо двигавшихся вперед, противник дрогнул и начал постепенно отходить.

Под легким артогнем 31-я бригада быстро покатила к Волпе—местечку в 5—6 километрах от Немана. Комполка приказал послать двух ординарцев к комбригу доложить, что мы не имеем связи справа; 92-й полк, повидимому, сильно отстал.

91-й полк шел по правой стороне большака, рассыпавшись цепью, влево 98-й полк 33-й бригады. Казалось, что противник удрал далеко за Волпу, так как в местечке было тихо. Командир полка, военком и я ехали впереди цепей, позади конная разведка.

— Кавалерист скачет,—заметил командир, разглядывая в бинокль впереди лежащее пространство.—Это на верное остатки утекают.

Незаметно подъехали к Волпе. Вправо и влево цепи, посредине штаб полка, а противника нет и нет.

— Что за чорт,—заволновался Иванов,—неужто и отсюда уже удрали.

Но не успел он проговорить, как из-за ближайших домов грянули залпы и показались поляки. Лошади тревожно заржали, повернулись на задних ногах и галопом пустились назад.

— Ах, сволочи,—выругался Солодов,—вот, брат, что значит ходить без разведки.

Действительно, мы допустили большую оплошность, которая могла привести к очень плачевным результатам. Наши цепи начали уже медленно отходить.

Штаб спешился. Иванов послал приказание комбатам залечь и открыть огонь. Полк быстро окопался и заставил противника приземиться. Наблюдение было прекрасное. 98-й полк, откатившийся вначале влево, вновь двинулся вперед, получив задачу захватить Волпу. Правильной густой цепью он вышел на большую приподнятую равнину.

Поляки выкатили две трехдюймовки и прямой наводкой начали крыть по наступающим. Я прекрасно видел, как ложились снаряды. Один сделал недолет, другой—перелет, третий разорвался в середине цепи. Красноармейцы на момент замешкались, но снова бросились вперед. Однако губительный огонь противника заставил 98-й полк отойти назад с серьезными потерями.

С наступлением темноты наш полк оттянули назад и расположили его на опушке рощи, в одном километре от Волпы.

Вскоре выяснилось, что в 93-м полку, выбыли из строя тяжело раненные командир полка, его помощник, адъютант и контуженный военком; неприятельский снаряд угодил в самую середину их штаба.

К ночи пошел мелкий противный дождь, и в лесу воцарилась густая темнота. Костры разжигать было нельзя. Бойцы молча лежали по своим окопам, выставив впереди полевые караулы.

Привезли кухню. Красноармейцам роздали теплый суп, и вскоре все занялись шамовкой.

Я и Суслаков сидели около телефона и делились впечатлениями.

— Отмахиваем по 30—40 километров в день, — раздумчиво говорил Суслаков. — Тылы далеко, мосты разрушены, железнодорожная колея перебита — уже сейчас кое-где у нас маловато снарядов, продовольствие сильно отстает; питаемся подножным кормом.

Слушая Суслакова, я вспомнил свой вчерашний разговор с Глаголевым, который высказывал примерно такие же сомнения насчет наших дальнейших успехов. Повидимому эти настроения среди комсостава были не единичны. Впрочем имелись и другие взгляды. Некоторые считали, что если задерживаться для приведения себя в порядок, этим самым мы дадим возможность оправиться и противнику; в наших же условиях затягивать кампанию нельзя.

За этим разговором Суслаков и я не заметили, как заснули.

Через час нас разбудили резкие беспорядочные выстрелы. Мы вскочили и уставились друг на друга. Кругом никого не было. Бросились быстро к ближайшим цепям второй роты. Суслаков спросил первого попавшегося красноармейца:

— Что за стрельба?

— Первая рота начала, мы ее поддерживаем.

Бежим в первую роту.

— В кого стреляете? — спрашиваю я командира.

— Третья рота начала, мы поддерживаем ее своим огнем.

— Ничего не понимаю! — раздраженно проговорил Су-
слаков.

А стрельба все усиливалась. Затревожился соседний 98-й полк и тоже открыл огонь.

Когда разыскали командира третьей роты, он заявил:

— На левом фланге начали стрелять, видимо первая рота, я решил, что надо ее поддержать.

— Ну и ну,—сказал Суслаков,—все стреляют и не знают зачем.

Приказали огонь прекратить.

В полк донесли, что стреляли по польской разведке.

На утро из штаба сообщили, что двигаемся на Волпу. Подтянулись резервы. Тремя густыми цепями вышли мы из леса. Невидимая оперативная рука сосредоточила за ночь перед Волпой нужные силы.

Из местечка поляки открыли стрельбу; уже появились раненные; но красноармейцы, не сгибаясь, упрямо шли вперед, стреляя на ходу. Рядом со мной весело, словно на прогулке, шагал начальник пулеметной команды т. Будин в белой рубашке. В мирной обстановке он сучен, флегматичен, но в бою преображался до неузнаваемости.

Он нет-нет оборачивался к своим пулеметчикам и азартно кричал:

— Горяченького им, горяченького!

На этот раз поляки показали пятки и поспешно смотались из местечка. Уже в Волпе меня догнал Суслаков и сообщил, что Будин убит: пуля раздробила ему голову.

После утомительного перехода под дождем наши части остановились на ночлег в деревне Пятково. В каждую избу народу набилось битком. Некоторые за недостатком места расположились в сараях. Штаб 91-го полка и штаб бригады разместились в тесной, душной халупе. Все мы спешили раздеться, чтобы хоть мало-мальски просушить вещи.

Всю ночь шел проливной дождь. Мы проснулись рано. В открытое окно вползал серый предрассветный туман. У каждого нестерпимо сосало под ложечкой—не ели со вчерашнего утра. Штабной повар возился около печи:

он пек блины из белой муки, раздобытой в одном польском имении. Одна стопка горячих жирных блинов уже дымилась на столе, распространяя вкусный запах. Повар суетился, приглашая нас садиться. Я взял сверху блин и, обжигая рот, жадно стал есть. И вдруг за самой халупой раздались частые выстрелы пулемета. Васильев схватил свою сумку и сломя голову выбежал из избы. За ним помчался зав. разведкой; он успел надеть только один сапог. Повар заметался около теста, не зная, что делать. На улице беготня, крики:

— Тов. Васильев, куда отправлять раненых?

— Кто стрелял, откуда стрельба?

Из-за сарая показался красноармеец. Подойдя к собравшимся, он спокойно сказал:

— Это мы новый пулемет пробуем, вчера привезли.

— Почему проба происходила без предупреждения?— петухом наскочил Васильев на красноармейца.

— Начальство про то знает,—рассудительно ответил красноармеец.—А мы што—приказали нам... Вот и все.

Кто виноват, разбираться потом было, конечно, некогда.

В халупе, весь бледный, сидел повар.

— Ну, что там?—бросился он к вошедшим.

— Ничего—пулемет пробуют.

— Ух, отлегло! А я уж думал, не придется ли мне поляков угощать. Чуть было тесто не вылил на пол, да хорошо удержался.

И он вновь принялся печь свои блины.

Путь отступления поляков по белорусской территории знаменовался пожарами, разрушениями, расстрелами. Путь по самой Польше сразу изменился: ни одного пожара, ни одного разрушения. Поляки щадили даже маленькие мостики. Такова была в основном их политика. По газетным сведениям в индустриальных городах Поль-

ши не все было благополучно. Рабочие волновались, ждали нашего прихода. Красная армия продолжала продвигаться вперед с необычайной быстротой.

Боевые и продовольственные транспорты сильно отставали от частей. Завхозы полков с помощью ревкомов кой-что заготовляли на месте, покупали скот, хлеб. Но иногда приходилось прибегать и к мерам революционного порядка—отбирать продовольствие по твердой цене.

Однако и заготовленное на месте частенько не догоняло бойца, оставалось для тылов. Пока завхоз успевал достать муки и выпечь хлеба, тем временем роты уходили уже за 20 километров. Изнуренные обывательские подводы, конечно, не догоняли их, и хлеб приходилось оставлять для тыловых частей.

Каждый выходил из положения по-своему: рыли картофель, питались яблоками.

Польские кулаки относились к Красной армии резко враждебно, стараясь при каждом удобном случае вредить ей. В то время как разоренный белорус радужно делился с нашим бойцом последней краюхой хлеба, сытый поляк на просьбу продать что-нибудь неизменно отвечал: Нима, пан, нима.

У деревни Петрашевцы разведка 91-го полка нащупала противника, вызвала с его стороны огонь и, определив силы, донесла в полк.

Вышедший ей на помощь первый батальон выбил поляков из окопов, причем в плен были взяты два польских офицера, один из них раненый; Суслаков распорядился отправить их в штаб полка.

Красноармейцы устроили из винтовок носилки, положили раненых и отправились с пленными к штабу, расположенному в полкилометре от деревни Петрашевцы.

Когда мы пришли в штаб, я пошел взглянуть на пленных. Раненый лежал еще на носилках. Другой,

здоровый, офицер стоял в рубашке, в старых шароварах и разбитых солдатских ботинках.

Оказалось, что дорогой конвоиры раздели его и других и отдали им свое рваное, но раненого не бесшостоили и осторожно донесли до места.

— Вы нас извините,—серьезно, без малейшего намека на иронию, обратился командир полка к офицеру,—наши красноармейцы сильно поизносились.

— Пожалуйста, пожалуйста, господин полковник... Это пустяки,—на отчетливом русском языке торопливо заговорил офицер.

Помолчав минуту, он обвел нас беспокойным взглядом и вдруг нерешительно спросил:

— Господин комиссар, вы нас не расстреляете?

Командир нахмурился:

— Кто вам наплел эту чушь? Мы пленных не расстреливаем.

Красноармейцы засмеялись. Кто-то из них по неосторожности наступил на штык винтовки, которая лежала под раненым пленным. Тот застонал.

— Тише ты, чорт,—набросились бойцы на неосторожного товарища,—не видишь—раненый лежит.

Эта заботливость окончательно успокоила пленных.

Командир полка распорядился раненого отправить в лазарет. После он дал большой нагоняй красноармейцам, раздевшим пленных; при повторении подобного отношения к пленным обещал строжайшим образом наказать.

— Товарищ командир,—виновато оправдывались красноармейцы,—да ни в жисть бы этого не допустили. Но только зачем им сапоги в тылу, там их оденут. (А мы пообносились до крайности; без сапог же в бою никак невозможно!

★

В деревню Петрашевцы вскоре подошел 2-й батальон, а за ним весь 192-й полк и штаб бригады.

Комбриг Михайлов отозвал командиров и комиссаров в сторону. Заслушав их краткие доклады, он приказал:

— Тов. Иванов, вышлите вперед один батальон. Через полчаса тронемся и мы, к этому времени должен подойти 93-й полк. К утру нам надо успеть пройти фольварк Вербовизна.

Авангардом был послан первый батальон, с которым поехали Суслаков и я. Наступила уже полночь; предметы сливались с темнотой. Красноармейцы шли медленно, молчаливо; они дьявольски устали и проголодались.

Бойцов в батальоне осталось около 50 человек. Но зато мы имели 2 пулемета и при одном из них меткого, отчаянного пулеметчика Соколова, который был одной из самых популярных фигур в полку. В темноте он выглядел по особенному серьезно. Его молодое лицо, небольшие рыжеватые усики делали его похожим на хорошего, смиренного деревенского работника, но никак не на храброго вояку.

И тем не менее этот человек держался в боях с исключительным хладнокровием, не раз выручая свою часть в самые тяжелые моменты. Однажды поляки бросили на наш участок крупные силы. 91-й полк, имевший тогда всего около 100 штыков, дрался с огромным упорством. Нам пришлось отступить; чтобы отойти в порядке, требовалось создать огневой кулак для прикрытия отступления. Сделать этого не успели, а неприятельские цепи были уже близко. Соколов выбивался из сил. Его мучили жажда и голод, отчего пулемет казался ему втрое тяжелее. Он отстал. Полк прошел уже через деревню, и вдруг мы услышали сзади пулеметную стрельбу. Потом все стихло. Начпульком, решив, что Соколов погиб, хотел уже писать рапорт командиру полка. Однако тот вернулся живехонек, вместе с пулеметом.

Оказалось, что Соколов с подносчиком патронов скрылся в сарае на околице, нашел в стене подходящее

отверстие, установил пулемет и стал ждать поляков. Противник предполагал, что деревня оставлена красными. Когда в сотне шагов от сарая образовалась густая цепь, Соколов открыл стрельбу. Растерявшиеся поляки бросились в панике бежать, оставив на поле много убитых и раненых.

За это дело Соколов получил орден Красного знамени.

Вот и фольварк. Мы расположились около трех убогих халуп. Кругом фольварка—живая изгородь из деревьев.

— И так ничего не видно, а тут еще деревья мешают,—сердился Суслаков.

— Надо бы посмотреть, что там за изгородью,—обратился я к нему.

— А что там может быть,—ответил он.—Поляки наверное удрали километров за 15.

Но мне не терпелось. Я поднялся и пошел вместе с командиром 3-й роты за фольварк. Выйдя за изгородь, мы оба остановились, как вкопанные: справа и слева в двадцати шагах от нас бесшумно шли две колонны войск.

— Беги предупредить,—шепнул мне командир роты, тесно прижавшись к дереву и зорко смотря вперед.

Я усомнился:

«Откуда тут быть полякам,—думал я;—наверное кто-нибудь из своих соседних полков блуждает». Решил окликнуть:—Товарищи, кто идет?

Тотчас же над самой головой просвистели пули, обрывая ветки.

Я бросился к батальону. Там все уже были на ногах. Суслаков отдавал приказания:

— Первую роту расположить в левой части фольварка фронтом к лесу, вторую прямо; третью—вправо, с задачей отбиваться от неприятеля и не пропустить его к нашим главным силам.

Завязался ночной бой. Под огнем наши цепи пере-строились, не переставая вести ружейную стрельбу.

С пулеметами случилось что-то неладное. Красноармейцы прибегали по одному и просили:

— Пулемет надо, пулемет!

• Я заторопился к первому пулемету—не стреляет, засорился. Побежал к Соколову:

— Пулемет нужен.

— Засорился,—ответил Соколов, с остервенением разбирая свой «Максим» и не обращая внимания на пули, свистевшие над головой.

Ко мне подбежали три красноармейца.

— Тов. комиссар, мы окружены, надо уходить. Иначе не выберемся.

— Идите на свои места и не наводите панику. Поляки стреляют беспорядочно, у нас пока один раненый. Если мы будем отходить, то в темноте нас, пожалуй, свои же перестреляют.

Мои слова успокоили красноармейцев, и они разошлись по своим частям.

Судя по голосам противник, начал обходить фольварк. Суслаков послал в полк разведчиков доложить о положении.

Поляки продолжали нажимать. Кольцо суживалось, и батальону приходилось туго. Мы пошли на хитрость: решили прекратить огонь. Немного спустя Суслаков скомандовал:

— Первый батальон, пли!

Дружный залп из 50 винтовок.

Комроты подхватил:

— Батальон, пли!

Второй залп.

Наконец, командуя я:

— Третий батальон, пли!

У противника создалось впечатление, что нас три батальона, т. е. целый полк. В это время Соколов про-

шмыгнул с пулеметом за изгородь и под самым носом противника занял удобную позицию.

— Тра-та-та-та,—весело, точно захлебываясь, затрещал пулемет.

— Готовь патроны,—командовал Соколов своему помощнику, непрерывно выпуская ленту за лентой.

Эффект получился ошеломляющий. Выстрелы поляков стали реже, затихли, и вскоре из-за леса донеслось:

— Текай до ясу.

Но оказалось, что это не все. Высланные нами разведчики вернулись вскоре обратно и доложили:

— В полк нельзя пробраться, мы едва не попали в руки поляков.

Действительно, из-за леса снова послышались выстрелы.

— Значит одна колонна прошла мимо нас в обход,—заявил Суслаков.—Надо теперь и четвертую сторону обеспечить.

Сняли для этой цели десять красноармейцев из 1-й и 2-й рот. Таким образом весь фольварк оказался в кольце батальона, который был готов в любую минуту встретить противника огнем, откуда бы он ни появился. В полк решили послать еще раз разведчика доложить о положении батальона. Дойти вызвался один красноармеец, невысокого роста:

— Пошлите меня, тов. комиссар.

— Ты из какой роты?—спросил его Суслаков, недоверчиво оглядывая шуплую фигуру бойца.

— Из первой.

— А как твоя фамилия?

— Петров.

— Ну, шпарь. Найди полк, возьми приказание от командира полка и немедленно дуй обратно.

Петров исчез в темноте. Выстрелов больше не было слышно, но напряженная ночная тишина сильно нервировала людей. Противник, зная, что мы засели в

фольварке, мог подойти к нашему батальону, совершенно незаметно.

В саду что-то зашумело. Все насторожились, прижавшись к земле. Шум усилился. Вскоре ясно разобрали, что двигаются люди. По цепи отдали приказание приготовиться. Вдруг крик:

— Вот стерва! Ужалила.

— Да это свои,—вскочили красноармейцы.

Так и оказалось—это были разведчики 92-го полка, посланные связаться с нашим батальоном; они окружили в саду пчелиные ульи и штыками выталкивали оттуда рамки сотового меда.

От них узнали, что в то время, как мы вели бой, поляки налетели на бригадную колонну. Старший разведчик рассказывал об этом так:

— В темноте-то не разберешь ничего. Ну сразу и отупели все... И поляки и наши. Бросились бежать кто куда: обозы в канавы, люди в лес. Комбриг выскочил из халупы и давай материться на чем свет стоит за панику. Смотрит, а против него поляки. Он от них, а те от него. Смехота... Потом бригаду едва-едва собрали, и она двигается сейчас сюда.

Стало уже светать. Вдали черной лентой вытянулся лес. Над низинами поднимался густой туман.

Я обходил роты. Соколов, дремавший около пулемета, увидев меня, заговорил:

— Ну и жарко пришлось, тов. военком. А тут еще этот дьявол испортился,—любовно погладил он свой пулемет.

В начале августа меня перевели инструктором подива с прикомандированием к 32-й бригаде.

Бригада двигалась по направлению к местечку Длугоседлово. Песчаная дорога затрудняла движение обозов и артиллерии. Колеса глубоко уходили в песок, и лошади с трудом тянули за собой повозки и пушки. Над

обозами стояло густое едкое облако пыли, которая набивалась в нос, рот, уши и хрустела на зубах.

Я ехал со штабом. Наштабриг Оболенский был раньше в 31-й бригаде; у нас нашлись общие знакомые, и вскоре я сошелся с ним довольно близко.

В Длугоседлове нас догнал т. Алайнис, только-что назначенный на должность военкома бригады.

Секретарь военкома рассказал мне про Алайниса следующее:

— Он приехал из 95-го полка, был там комиссаром. Ни за что не хотел идти в бригаду. «Мое дело, говорит, драться вместе с полком, а в бригаде я и сам не знаю, что буду делать!» Фуражка у него прострелена в трех местах, шинель—что решето, а все еще цел. В своем полку он пользовался огромным авторитетом.

Вечером должен был состояться митинг. В штаб зашли Алайнис и его помощник Цинит.

Скупой на слова, высокого роста, худощавый, с большими усами—он производил впечатление сильной, волевой натуры. Когда мы стали собираться на митинг, он спросил меня:

— А кто будет говорить?

— Думаю, что выступить надо тебе: там будет не только население, но и красноармейцы бригады.

— Нет, уж избавь, я говорить не мастак,—искренне взмолился Алайнис.—Я только—«Да здравствует революция»—умею... Так что выступай ты сам. Ты из подива, тебе по штату положено.

Пошли на митинг. Вокруг наскоро сооруженной трибуны стояли красноармейцы и много жителей из местечка. Они слушали ораторов внимательно, оживлялись, когда речь шла о свободе наций, о борьбе за освобождение угнетенных, и настораживались, когда задевался вопрос о религии, о свободе торговли.

По окончании выступлений Алайнис вскочил на трибуну и крикнул:

— Долой помещиков, панов, генералов. Да здравствует мировая революция!

После митинга комбриг Гаврилов отозвал Алайниса в сторону.

— Поляки что-то замышляют. Наши аэропланы заметили разгрузку танков на их станции.

Алайнис задумался.

— Если танки, значит не зря. Ночью-то они вряд ли пойдут, но к утру надо быть готовым.

Он спал мало, а чуть забрезжило утро, взял карту, нанес на ней участки полков и выехал на позицию.

Через час в Длугоседлове послышались резкие беспорядочные выстрелы; совсем близко начали рваться снаряды.

Получив извещение с участка, наштабриг отдал приказание тылам отойти за Длугоседлово.

А на фронте бой разгорался с необыкновенной силой. Из-за леса прямо на цепи красных медленно ползли чудовищные танки, сея по сторонам смерть и разрушение. За танками стройными рядами шла польская пехота; над головами жужжали неприятельские аэропланы.

Бессильны трехлинейные винтовки против стальных коробок. Наши бойцы смешались, оставили окопы, покатались назад. Однако Алайнис с одной ротой прорвался между танками и ударил на польскую пехоту. Но что могла сделать рота? Поляки павалились всей массой на красных и смяли их смелый порыв.

К вечеру, с помощью артиллерии, атаку поляков отбили. Санитары 95-го полка нашли раненого Алайниса в лесу.

Его быстро уложили на носилки. Он пришел в сознание, открыл глаза и еле слышно попросил воды. С трудом влили ему в рот несколько капель. Потом, словно в бреду, он проговорил:

— Тут... недалеко... зарыт наган и орден...

По кровавому следу нашли на полянке санитары зарытые револьвер и орден и, любовно завернув их, положили в сумку.

У Алайниса разворотило всю грудь, пробило правое легкое. Перед отправкой в лазарет он настойчиво просил меня устроить так, чтобы его не отправляли далеко в тыл:—Я ведь живуч и скоро поправлюсь.

13 августа части дивизии подходили к Насельску. Но поляки настолько сильно обстреливали шоссе, что нам пришлось спешиться и задержаться в ближайшей долине.

Когда артиллерия немного затихла, штабы уселись по коням и рысью вкатили в Насельск. Нашим глазам представилась картина опустошенного города. Изредка покажется одинокая фигура, быстро пересекающая улицу. Вот пробежал пожилой еврей с ребенком на руках. Тот удивленно таращит большие детские глаза.

Я добрался до штаба 96-го полка, взял у военкома нужные сведения и поехал обратно в бригаду.

Шоссе опять находилось под сильным обстрелом противника. На окраине я слез с коня около каменного дома и решил обождать.

Поляки били по городу, разрушая дома, убивая мирное население; наши орудия стреляли через город по польским батареям.

В соседнем доме я услышал какой-то непонятный шум; будто гудел громадный потревоженный улей. Когда пролетал снаряд, жужжание прекращалось и возвращалась глубокая тишина.

Из калитки вышел молодой еврей в длинной одежде и черной фуллке на голове.

— Что это за шум в доме?—полюбопытствовал я.

— Тут синагога, молятся.

— Чудаки!—подумал я и, переждав еще немного, сел на лошадь и помчался к себе в штаб.

В оперативном журнале 11-й дивизии значится: «14 августа полки дивизии переправились через р. Дзялдувка. Завязался жаркий бой. Противник неоднократно переходил в атаку, но был отбит. Полки 32-й бригады в районе деревни Борково сходились в штыки. Все поле западнее деревни Борково усеяно убитыми и ранеными поляками. Кавполк спешился и ведет бой в пешем строю. На всем участке интенсивный артогонь».

И далее: «за 14 августа 32-й бригадой захвачено: 6 пленных 18-й польской дивизии, 26—2-й сибирской бригады, 45—разных частей, 6 орудий, 12 лошадей и прочее имущество. 32-я бригада заняла заводы: «Воля Адамова», фольварк «Годова».

Из допросов пленных выяснилось, что против одной красной бригады выставлены части 18-й дивизии, 2-й сибирской бригады, познанцы и другие. Превосходство сил противника явно подавляющее. В полках нашей 31-й бригады оставалось от 40 до 100 чел. всего боевого состава. В артиллерии нехватка снарядов. Бойцы измотаны до истощения: они бесценно дрались от самого Полоцка. Кратковременное пребывание в дивизионном резерве отдыха не давало, потому что при малейшей неустойке полк снимали и форсированным маршем отправляли на выручку, восстанавливать положение.

Штабриг работал в километре от линии боев. Оболенский не спал уже несколько ночей, без перерыва мотаясь между телеграфом и телефоном. Комбриг и военком на участке...

Привели пленных. Я подошел к ним и завел разговор с высоким молоденьким солдатом; он попал на фронт из последнего класса гимназии.

— Ваши дела плохи,—самоуверенно говорил пленный.—В Варшаве такое настроение, что все погибнут, но город не сдадут. Мобилизовано все население, способное носить оружие: полиция, гимназисты, студенты; наша армия непрерывно получает подкрепления, а ваши цепи, как мы видим, редковаты.

В этих словах было много горькой для нас правды. Я оборвал пленного:

— Что толку, что вас много. Сегодня 15 красноармейцев забрали ваших в плен 80 человек.

— Всякое бывает,—хмуро ответил поляк, низко опустив голову.

Пленных отправили в дивизию. Я пошел на участок 94 полка, где дрались уральцы. Поле было усеяно трупами, лежавшими в самых нелепых позах. Воздух содрогался от рева снарядов и свиста дуль. Штаб полка находился в нескольких шагах от цепи. Адъютант и телефонисты работали под огнем.

— Все готово! Комбаты на место,—обратился командир полка к комбатам Малинину и Тихомирову, которых я знал близко: они приехали вместе со мной с 5 Уральским полком; оба партийцы.

Тихомиров под огнем пробрался в цепь. Малинин залег на левом фланге своего батальона.

Первыми пошли в атаку бойцы Тихомирова. Под их натиском поляки дрогнули и начали в беспорядке отходить. Батальон Малинина ударил им во фланг, расстреливая на ходу отступающих. Последние цепи поляков бежали не столько от красных, сколько от паники, созданной своими же легионерами.

Тихомиров, увлекая бойцов за собой, врезался глубоко в середину бегущих. Вдали красные заметили польскую артиллерию.

— За мной,—крикнул Тихомиров, и рота бросилась к пушкам. Обезумевшие артиллеристы ударились в бегство, оставив орудия и лошадей. Тихомиров клинком

обрубил построжки, вскочил на коня, дал ему шпоры и устремился вперед, преследуя поляков.

Батальон Малинина продолжал делать свое дело, расправляясь штыком и пулей с белыми. На фланге появилась стройная цепь противника. Малинин повернул на нее одну роту, идя в атаку впереди красноармейцев. Под жестоким пулеметным огнем наши бойцы смяли поляков.

В результате этого незабываемого боя мы закрепили за собой западный берег Дзялдовки, правда ценою тяжелых потерь. Полк потерял обоих своих славных комбатов: Малинина и Тихомирова. Малинин скончался от двух тяжелых ранений, Тихомиров—пропал без вести. В пылу битвы он слишком далеко зарвался в расположение неприятеля и повидимому сложил там свою горячую, беспшибашную голову.

Утром 15 августа я развернул карту и прикинул по ней месторасположение северной группы красных войск. 11-я дивизия вдавалась километров на 25—30 северозападнее Варшавы. Если провести прямую с севера на юг, то выйдет, что мы уже за Варшавой.

Мне ярко представилось то живое полукольцо, которым опоясала Красная армия столицу Польши.

— Корпус Гая должен быть значительно западнее нас?—спросил я начальника штаба Оболенского.

— Он орудует совсем близко от Варшавы. Но я сейчас штуку одну слышал...

Оболенский отозвал меня в сторону:

— Говорят, что в направлении Варшава—Остров неблагоприятно. Поляки якобы у Острова.

— Не может быть. Это, по всей вероятности, сплетня.

— Возможно, что и врут, но настроение в штадиве не совсем хорошее.

Это сообщение больно резнуло по сердцу. А что если поляки действительно прорвались на том участке...

Размышлять было некогда. Противник открыл по нашему штабу бешеный артиллерийский огонь. 95-й полк, а за ним вскоре и остальные донесли, что неприятель перешел в наступление. Комбриг поскакал на участок. Наша артиллерия, несмотря на приказ немедленно громить наступающих, работала чересчур вяло и нерешительно. Выстрелы были настолько редки, что я, наконец, обозлился и бросился к начальнику оперативной части.

— Почему артиллеристы дают через час по столовой ложке?!

Оказалось, что на все батареи осталось только 30 снарядов. Ни в дивизии, ни в парках ничего нет, и подвезти неоткуда.

Кругом штаба все грохотало. Полевой артиллерии белых помогали крепостные пушки Новогеоргиевска. Окна в халупах потрескались; жители забились в самые глубокие щели. К штабу на изморенных лошадях непрерывно подвозили раненых.

Не успел я войти в штаб, как сообщили, что наши кое-где начинают отходить. Ранены Алехин—командир 93-го полка, и Соловьев—пом. комполка 92-го.

Ожесточенный бой продолжался до позднего вечера. Поляки неоднократно переходили в атаку, но безрезультатно: красноармейцы держались с исключительным мужеством. Однако к ночи силы дивизии стали ослабевать: полки отошли, закрепившись на восточном берегу Дзядувки.

Поляки пытались перейти реку, но были отбиты.

Военкомы полков писали в сводках: «Потерь много, а отходить красноармейцы не хотят. Столько жертв положили, столько прошли расстояния, а теперь назад. Будем отстаивать каждый шаг, без крови ни одного аршина не отдадим».

Ночь провели почти без сна. Из полков все время звонили, что противник готовится к новой атаке; неизвест-

но было лишь, когда он ее замышляет—ночью или утром.

По телефону из штаба дивизии вызвали комбрига. Он, окончив разговор, отдал распоряжение начальнику штаба писать приказание об отходе на Насельск, так как поляки кое-где уже прорвались.

Через 15 минут штабриг снимался.

По дороге шли понурые красноармейцы. На их моральном состоянии резко отразились наши неудачи. Я подождал 94-й полк и присоединился к уральцам. В них уже не было прежнего боевого задора, бьющего через край. Они с горечью спрашивали:

— Товарищ комиссар, неужто далеко пойдем назад?

— Тревожиться нет никаких оснований,—убежденно ответил я.—Нужно, видимо, выравнять фронт; немного отойдем, а потом опять ударим. Нельзя забывать, что Буденный на юге и корпус Гая на севере уже совсем близко к Варшаве...

Вошли в знакомые узкие улицы Насельска. Испуганные жители попрятались в подвалах, опасаясь прихода поляков. На площади сгрудились артиллерийские обозы, длинной лентой вытянулись они на шоссе, в то время как с других концов прибывали все новые и новые части со своими обозами. Насельск запрудили, получилась пробка. Обозы всех бригад и дивизий смешались; навести порядок было трудно.

Над городом показались два неприятельских самолета. Они спустились низко, летя почти над самыми крышами:

— Та-та-та-та-та,—затараторил пулемет с аэроплана.

— Бомбы, бомбы!—в панике заметались повозочные, нахлестывая лошадей.

Действительно, в голове колонны раздались один за другим два оглушительных взрыва. Но роты и комендантские команды оправились от испуга и, открыв по самолетам стрельбу, заставили их быстро скрыться.

Разбитые бомбой повозки убрали с пути, раненых передали в перевязочные пункты, и обозы постепенно начали выводить из Насельска.

ОТСТУПЛЕНИЕ.

Красная армия начала отход по всему фронту. За Насельском полки нашей дивизии пытались удержаться и даже кое-где перешли в наступление. Но что значили мелкие успехи, когда на главных направлениях армия отступала! Пришлось уходить и от Насельска.

Надеялись задержаться в Пултуске, который находится на западном берегу Нарева. Но из дивизии пришел приказ перебросить полки на восточный берег и мост сжечь.

Пока подтягивались к мосту, появились польские истребители, открывшие бешенный пулеметный огонь. Одна из брошенных ими бомб попала в мост, и он загорелся. Мы однако успели перебросить свои главные силы. Оставшийся на том берегу 92-й полк взял на север и перешел Нарев вброд.

Против Пултуска на восточном берегу дивизия заняла оборону. В приказах говорилось о необходимости отстоять реку. Но уже к вечеру из полков шли донесения о том, что противник в разных местах переправляется через реку. И действительно, утром под самым носом редких красных цепей появились поляки.

Из армии новый приказ—11-й дивизии предлагалось ударить во фланг и тыл прорвавшегося у Острова противника, чтобы облегчить положение 5-й и 56-й дивизий.

Быстро сменились, пошли, но поляки и здесь опередили; нам снова пришлось отступать.

Создалось исключительно тяжелое положение. На нашем участке фронта противник наносил удар в северо-восточном направлении, отжимая Красную армию к прусской границе. Оставалось два выхода: или идти в

Пруссию, интернироваться, или пробиваться с боями назад, что было совершенно невысказано, так как у нас оставались почти одни обозы и измотанные до крайнего истощения десятки бойцов на поле.

На основании нового приказа по дивизии полки двинулись на Ломжу.

По шоссе на несколько десятков километров тянулись обозы, гроыхала артиллерия. Противник как-будто отстал и мало беспокоил нас. И вдруг совершенно неожиданный выстрел. Снаряд разорвался около самого шоссе.

Я ехал в середине обоза, в общей группе штабов 31-й и 32-й бригад. Противник заметил нашу группу и начал брать на нее прицел. Первый снаряд—недолет. Второй—перелет.

— Сейчас будет здесь,—сразу решили всадники.

Вперед ехать нельзя—шоссе загружено обозами, которые шли в три ряда. Бросились влево в кустарник—болото; вдоль болота—трясина.

Третий снаряд лег совсем рядом. Малейшее промедление грозило смертельной опасностью. Мы пустили лошадей по топкому лугу и на счастье скоро выбрались на тропку в глубине кустарника.

Очередной снаряд попал прямо в середину обоза. Крик, паника. Повозочные под огнем убрали поломанные телеги, сбросили под откос убитых лошадей, чтобы не мешали движению, и потянули обоз дальше.

22 августа мы въехали в Ломжу. В центре города, высываясь из окон, на нас глядели с любопытством и нескрываемой ненавистью холеные, упитанные рожи. Мы свернули на улицу, что шла к мосту через Нарев, и вдруг:

— Та-та-та-та-тра-та-та..

Прискакали два ординарца:

— Поляки обстреливают мост из пулемета.

Штаб свернул в боковую улицу и взял направление к северу от моста.

Выехали из города. Кругом топкий луг и редкий лес. Надо выехать к реке, и никто не знает, как к ней пробраться. Тропинок не видно.

Откуда-то вывернулся старичок.

— Папаша, проводи к реке.

Старик бросился вперед и вывел нас на узкую, едва приметную тропку, которая шла в лес.

Начальник разведки Сохранский, шутник и балагур, у которого на любой случай готова самая замысловатая смешливая прибаутка, ехал на этот раз молча. Таким мы никогда его не видали. При переезде через овражек у него зацепилась за сук фуражка и повисла на дереве. Один из штабников засмеялся. Сохранский сердито посмотрел на него и вернулся за фуражкой.

Он с трудом достал ее и, ворча что-то под нос, догнал штаб.

— Езжайте прямо, тут недалеко брод,—указал старик.

Оболенский хотел дать ему денег, но тот наотрез отказался. Сохранский, внезапно повеселевший, поблагодарил проводника:

— Спасибо, мил человек, кланяйся своим внучатам!

— Ладно уж... Ишь веселый...—добродушно подмигнул старик и заспешил назад.

Разыскали брод. Комбриг осторожно пустил в воду лошадь. Она поплыла и благополучно выбралась на другой берег. За ним поплыли и остальные.

Начала переправляться и догнавшая нас пехота. Бойцы торопливо раздевались. Некоторые уже были в реке, но оказалось много красноармейцев, не умеющих плавать. Они шумно и бестолково возились около лодки, найденной на берегу.

Противник наседал все сильнее, и медлить было нельзя.

Комбриг Гаврилов, Савин, Цинит и я вернулись на лошадях обратно. Уцепившись за стремяна наших седел,

красноармейцы перебирались через реку. Я перевез двоих и поехал снова. Два красноармейца ухватились за мои стремяна. Одежду я взял к себе на руки, и мы поплыли.

Лошадь выбивалась из сил. Саженья в двух от берега она стала тонуть.

— Бросай стремяна,—крикнул я, кидаясь в воду. Лошадь, получив облегчение, быстрым взмахом выбралась на берег, вытащив за собой красноармейцев.

Но случилось несчастье. Узлы выскользнули из моих рук и поплыли вниз по течению.

Я сбросил с себя промокшие кожаные шаровары и френч и поплыл за узлами. Течение угнало их довольно далеко, намокнув, они все больше и больше садились на дно. На середине реки я догнал их и начал полегоньку толкать к берегу. Красноармейцы бежали вдоль реки, нелепо махая руками.

Я почувствовал смертельную усталость. В глазах поплыли темные круги. Теряя сознание, я собрал последние силы и крикнул:

— Помогите.

Голос поплыл тихо, тихо, и я начал погружаться в воду.

На счастье подо мной оказалась мель. Я уперся ногами в песок и, тяжело дыша, ухватился за намокшие узлы. Через две минуты выбрался вместе с узлами на берег. Красноармейцы схватили вещи и торопливо зашагали за своими товарищами, которые уже отходили от реки.

Мокрый до последней нитки, я сел на коня. Вода стекала с кожаных шаровар, и в сапогах образовались грязные лужи. Не слезая с седла, я снимал попеременно сапоги и выливал воду.

Подул ветер. Весь продрогший, я добрался до первой халупы и попросил хозяина затопить печь, обещая за это заплатить.

— Дров нет, семья не евши, — угрюмо пробормотал хозяин и вышел из хаты.

Только после приезда остальных товарищей он принес охапку щеп и продал нам миску картофеля.

Ложась спать, я говорил Сохранскому:

— Когда шли вперед, все предлагали сами, а теперь и за деньги не выпросишь.

— Это понятно, — проворчал он. — Тогда мы были победители, а теперь — побежденные.

23 августа мы остановились в м. Щучин. К вечеру сюда собрались части многих дивизий. Общее управление было нарушено. Некоторые обозы соседних частей присоединились к нашей дивизии и двигались под общим руководством начдива.

Ночь провели беспокойно. Отовсюду поступали самые разноречивые сведения. Шли упорные слухи, что путь совершенно отрезан и выход один — идти в Германию. Через кого-то сообщалось, что в километре от Щучина находится противник.

Несомненно, это работали враждебные нам силы, имеющиеся среди самого населения. В пути уже были случаи, когда польские жители нападали на одиночек-красноармейцев и убивали их. Явные и тайные шпионы подсчитывали из-за угла наши силы, выпрашивали у красноармейцев маршрут движения. Уличенных в шпионаже Особый отдел отдавал суду трибунала.

Утром дивизия, получив приказ двигаться на Граево, тронулись с места и пошла по шоссе вдоль прусской границы. Немецкие пограничники медленно ходили взад и вперед, зорко оглядывая отходящие красные части.

Погода стояла сухая, что облегчало наш отход. Пехотинцы пристроились к обозным, и все ехали на повозках. Артиллерия, пулеметы, инженерное имущество — весь обоз шел в два-три ряда сплошной лентой.

По сведениям на 24 августа части имели:

31-я бригада	120	штыков
32-я » 	100	»
33-я » 	60	»

Полную боеспособность сохранил только кавполк, который шел впереди колонны, готовый оказать сопротивление в случае нападения противника.

В Граеве к дивизии присоединились: кавполк 12-й дивизии, эскадрон 18-й дивизии, обозы и артдивизионы 33-й дивизии, остатки 35-й и 37-й бригад, обозы и отдельные отряды 4-й дивизии. 33-я дивизия, имевшая небольшой запас снарядов, часть их передала артиллерии 11-й дивизии.

Пехоту собрали в один отряд; кавалерию—в другой; артиллерию объединили под общим командованием одного из начартов. Когда утром тронулись из Граева, наша огромная колонна представляла внушительный вид, и голыми руками ее было не взять.

Я подъехал к Оболенскому.

— Как насчет дальнейшего маршрута?

— Приказано двигаться на Гродно через Августов.

— А путь открыт?

— Сомневаюсь,—пожал плечами Оболенский и, помолчав немного, спросил:—Ты ничего не слышал про корпус Гая?

— Нет, а что?

— Поляки задали ему такую трепку, что он вынужден был уйти в Германию: пробиться он никак не мог.

— Говорят, что из 4-й армии тоже многие ушли туда,—сказал я.

— Ничего не поделаешь,—вздыхнул Оболенский,—уж лучше идти к немцам, чем к дюлякам.

Утром 25 августа наша колонна выходила из Августова. Перед выходом долго обсуждали, как идти. Сначала

рассчитывали пойти по шоссе Августово—Гродно. Но в ревком сообщили, что по слухам, правда непроверенным, Гродно накануне падения.

Решили пойти через Литву на Сейно, а оттуда, смотря по обстановке, или на Гродно, или несколько севернее его.

Ревком в составе трех человек также поехал с нами.

По дороге из леска к нам начали приставать гражданские лица. Вскоре оказалось, что это были германские коммунисты. Зная о тяжелом положении Красной армии, они перешли границу, чтобы влиться в наши ряды.

На привале один из них на ломаном русском языке говорил:

— Как вы воевали? Разут, раздет, патрон ни хт.

— Дрались так, что поляки долго не забудут! Немного оправимся, опять у Варшавы будем, это как пить дать,—пояснял худой красноармеец, на изможденном, грязном лице которого странной казалась усмешка ослепительно белых зубов.

Вот и литовская граница. Литву отделяет от Польши канал, через который перекинут мост, защищенный барьером из рогаток колючей проволоки. На мосту двое часовых. Их свежий вид, новенькое с иголочки обмундирование вызвали завидки со стороны наших усталых, обтрепанных красноармейцев.

— Убирайте свои рогатки,—обратился комдив Маринский к часовым.

— Нельзя. Не полагается,—ответили те.

— Как не полагается? А кто вам Литву отвоевал? Вызовите офицеров!

Часовой дал свисток. Вышел офицер и, подойдя к барьеру, заявил:

— Пропустим только в том случае, если сдадите оружие.

— Што такое...—рассердился Маринский,—да я этим оружием всю вашу Литву разнесу.

— Если вы не выполните наших условий, нам приказано принять бой.

— Чего вас бить-то, сколько вас тут есть?!

— На вас хватит, — спокойно ответил офицер.

Командование устроило короткое летучее совещание. Собрались все высшие начальники. Одни говорили, что надо отбросить литовцев и пройти через Сейно; другие предостерегали.

— Уж если драться, так драться с поляками, не нанося себе новых врагов.

В конце концов решили пойти на Гродно, не заходя в Литву.

Колонну перестроили вновь. Впереди отряд кавалерии. За ним тачанки с подготовленными пулеметами, затем пехота, артиллерия и обоз. Сзади колонну обеспечивал эскадрон кавалерии.

Перед выходом начподив Свириш предложил военкомам и инструкторам проинструктировать всех партийцев, чтобы они были примером выдержки и спокойствия. Едва военкомы проделали эту работу, как послышалась команда, и колонна решительно двинулась вперед, ожидая на каждом шагу неприятеля.

В пути нам встретились командарм 4 и член РВС с ординарцами.

Комдив Маринский спросил их:

— Можно узнать, где ваши части?

— О многих сейчас и сам не знаю, — ответил командарм.

Маринский доложил командующему о составе своей колонны, и тот принял командование на себя.

Мы уже третий день в походе; идем быстро, но осторожно: высылаем разведку и обеспечиваем движение с флангов.

Начались сильные дожди. Бойцы промокли до костей, но согреться было негде. Ни одна из встречных деревень не могла всех нас вместить. Красноармейцы спали

на траве под телегами и рано утром, продрогшие, снова шли в поход.

29 августа дивизия остановилась наконец в районе местечка Рожанка. Она имела очень жалкий вид.

Основного рода войск—пехоты, почти не осталось; к тому же и остатки ее нуждались в длительном отдыхе. Но зато сохранился скелет дивизии—это часть командного и политического состава, артиллерия и обозы. Вливши сюда пополнение, полки можно было быстро превратить в боеспособные войсковые единицы. Командование армии так и поступило. В течение первых трех дней после остановки бригада получила в качестве пополнения 3 830 красноармейцев и 46 командиров. Когда произвели разбивку по полкам и дополучили оружие, части снова приняли вполне боевой вид.

Утром 30 августа я получил приказ из подива: предлагалось пересудеть коммунистов и развернуть политработу.

С этого же дня начались собрания, совещания, митинги, беседы. Я целыми днями пропадал то в одном, то в другом полку.

Клубы развернули массовую работу. По вечерам устраивались концерты и спектакли силами самих красноармейцев. Иногда подив присылал свою передвижную труппу, постановки которой пользовались у невзыскательных зрителей большим успехом.

Вскоре стали поступать регулярно газеты. Пережив тяжелые дни, красноармейцы с жадностью впитывали в себя содержание нашей политработы, постепенно набираясь свежих сил.

На одном из наших партсобраний разбиралось дело о дезертирстве сотрудника штаба т. Хлебникова. В августе при отступлении от Варшавы он, намеренно остав от бригады, ушел в Литву. Там у него отобрали

лошадь и наган. Голодный и полураздетый, в растрепанных сапогах, стянутых проволокой, — таким он вернулся в свой полк, с трудом пробравшись через Литву. Он искренне раскаивался в своем преступлении и теперь с необыкновенным волнением ожидал решения своих товарищей по партии.

Нам были памятли тяжелые дни отступления, когда от каждого партийца требовалась железная выдержка. И вот в один из таких дней Хлебников позорно смалодушествовал и покинул наши ряды.

Первым взял слово красноармеец Панин.

— Я думаю так. Ушел не только Хлебников, ушли и другие. Многие еще не вернулись, а Хлебников опять с нами. Но все же он проступок сделал, оставил нас и убежал, да еще лошадь и наган литовцам оставил. Надо дать строгий выговор.

Следующим выступил Иванов.

— Этак, пожалуй, все разбегутся. Что выговор — следует исключить из партии, чтоб другим не было по-вадно. Я кончил.

В результате долгих и горячих прений собрание постановило объявить т. Хлебникову строгий выговор с предупреждением и дело передать в военный трибунал.

После партсобрания во дворе ко мне подошли три товарища, одетых по-граждански. Оказалось, что это мобилизованные партийцы, прибывшие из Питера и направленные подивом в 32-ю бригаду.

Их забросали вопросами о продовольственном положении в Питере, о настроении рабочих в связи с нашим отступлением и пр. и пр.

Питерцы не успевали отвечать. Они сообщили, что к нам в дивизию вливается много партийцев; в частности приехал новый военкомдив Лепсе и начподив Мелейковский.

Затем разговор перешел на фронтовые темы, всем хотелось поскорее узнать о своей будущей работе.

Мы дали питерцам подробные объяснения и указания и направили их по своим полкам.

Вечером я сидел у Цинита и распивал с ним чай. В избу кто-то вошел, высокий, прихрамывавший на одну ногу, и остановился в дверях. Всмотревшись, Цинит радостно бросился к неожиданному гостю.

— Алайнис, дружище, откуда?

— Из госпиталя,—ответил Алайнис, присаживаясь к столу.—Видишь, поправился, воевать приехал.

По нашей настойчивой просьбе Алайнис начал рассказывать о своих приключениях.

— Повезли меня в теплушке, вместе с другими ранеными в тыл. На станциях стояли по двое суток. Медперсонала нехватало. Раненые сами ходили добывать себе пищу, а кто не мог—по нескольку дней так и лежал голодным. На одной станции и я пошел за жратвой; нарыл картофеля и собрался уже ползти к вагонам, вдруг слышу стрельба. На станции все кувырком, паника, оказывается, подошли поляки. С ними вступил в бой отряд стоявшего там бронепоезда. Я достал у одного раненого наган и присоединился к отряду. Ну, и пришлось отведать свинца—ранили в руку и ногу. Хорошо, что не задела кость. Меня втащили в вагон, и поезд ускользнул в тыл. Вот и все, а теперь подлечился и опять приехал к вам белополяков бить.

Цинит вскочил:

— Да ты, что, с ума сошел! У тебя в лице ни кровинки,—на ногах едва держишься.

— Ерунда,—усмехнулся Алайнис.—Если уж умирать, так здесь, не в тылу; хоть с повозки буду стрелять, а поеду с вами.

Отговаривать его было конечно бесполезно. И все же воевать ему больше не пришлось.

Осенняя непогода вскоре свалила Алайниса оконча-

тельно. Пришлось отправить его в бригадный лазарет, где он и пролежал последние дни боев¹.

19 сентября бригада была переброшена на два перехода вперед и заняла оборону по реке Свислочь. За тот срок, что Красная армия израсходовала на свою подготовку, противник также успел привести свои силы в порядок.

С 21 сентября начались сильные бои, причем наступательными действиями вновь отличались поляки. Но 11-я дивизия, оправившаяся после отхода из-под Варшавы, оказывала противнику должный отпор. Полки дрались с громадным упорством, часто переходя в наступление и захватывая пленных. Крепкий кадр дивизии, спаянный старыми боевыми традициями, увлекал за собой молодых бойцов, которые быстро втянулись в походную обстановку, показывая себя достойными учениками.

Вновь заработали перевязочные отряды и госпитали. Раненые тянулись по всем дорогам с утра до вечера. Круглые сутки грохотали пушки, хлестал свинцовый дождь.

Деревни Эйсминцы, Берестовичане, В. Берестовица переходили из рук в руки. Не успевал командир полка донести в бригаду, что Эйсминцы заняты, как через десять минут адъютант докладывал, что Эйсминцы сданы.

Оболенский ежечасно мыкался от телеграфа к телефону, писал донесения, подписывал приказания. Я давно уже приглядывался к неутомимой, самоотверженной работе беспартийного комсостава из бывших офицеров. По нескольку суток не есть и не спать — это для них было обыкновенным явлением.

¹ Факты о т. Азайнисе я восстановил по памяти и некоторым документам. Общая оценка самого факта верна, но могут быть неточны некоторые детали, за что наперед прошу извинения у т. Азайниса (он сейчас работает в Москве).

Утром 24-го подив сообщил, что в тылах дивизии сосредоточилось много красноармейцев, дезертировавших с передовых линий. Предполагалось принять решительные меры. Потолковав с Цинитом, мы решили послать директиву военкомам полков, а в расположении бригады организовать цоимку дезертиров помощью комендантской команды.

К вечеру 24-го сентября задержанных оказалось 29 человек. На следующий же день трибунал дивизии начал разбор дела. Дезертиры сидели на скамьях. Они держались спокойно и даже пересмеивались между собой. Им казалось, что суд—это только «ради проформы» и никакого серьезного наказания они не получают.

По окончании допроса обвиняемые, указав свое имущественное положение, стали давать несуразные, явно фальшивые объяснения о своем уходе с позиции.

Один говорил, что у него не оставалось патронов; другой—«отбилсЯ от своих», третий думал, что «мы все отступили». Кто-то дал и такое наивное объяснение: «Я только ненадолго ушел».

Суд разъяснил подсудимым всю тяжесть совершенного ими преступления и удалился затем на совещание в штаб бригады.

Через два часа приговор был готов.

Еще до прихода трибунала настроение дезертиров резко изменилось. В начале заседания они чувствовали себя вне опасности, теперь же многие сообразили, что дело плохо. Бледность лиц, горящие глаза и тяжелая молчаливость выдавали их отчаянное беспокойство.

Председатель зачитал приговор:

— Именем Российской социалистической федеративной советской республики... Выездная сессия Революционного военного трибунала при 11-й Петроградской стрелковой дивизии постановляет: из числа задержанных 29 красноармейцев дезертиров разных полков 82-й

бригады, бежавших во время боя из цепи, по счету пятого расстрелять».

Дезертиры впились глазами в председателя. Сзади послышался судорожный кашель.

— Комендант. Приступите к исполнению своих обязанностей,—приказал председатель трибунала.

— Выходи,—скомандовал комендант.

Приговоренных под конвоем отправили в отдельный сарай. Остальных освободили, взяв с них твердое обещание, что они загладят свое преступление честной боевой работой в будущем.

Противник нажимал все сильнее и сильнее. Из 94-го полка сообщали: «На Волковыск идут неприятельские войска, судя по всему,—левофланговая 27-я дивизия уже отошла».

Поляки, обойдя фланги нашей дивизии, зашли далеко в тыл. Надо было умелым и быстрым маневром выскальзывать из ловушки. Мы шли ночью и днем и только к 28-му почувствовали себя более или менее безопасно.

Ходили слухи о захвате противником и Гродно, а также о том, что польская кавалерия прошла через Литву и наносит удар во фланг и тыл нашим армиям.

— Ну, теперь опять навинчивай сотни километров,—говорил комбриг Михайлов.

Шли без остановок. Сначала приказано было перейти за Неман. Затем дивизию отвели в армейский резерв. Дорогой в наши части вливалось пополнение. 16 октября мы остановились в районе м. Городок; из дивизии получили приказ: «После недельного отдыха начать усиленные занятия по боевой подготовке».

Меня вскоре перебросили военкомом в 31-ю бригаду. Приехав туда, я принялся восстанавливать расстроенную партполитработу. Комбриг часто говорил мне:

— Не вешай нос, комиссар! Сходили раз к Варшаве, еще сходим. Теперь картина обратная: противник ослаб, а мы окрепли. Пружина, как говорится, сжалась. Вот подкормимся немножко и опять ударим.

Но ударить не пришлось. В октябре с Польшей был заключен мир.

В БОЯХ ЗА КРОНШТАДТ.

Из Городка нашу 31-ю бригаду перевели в Гатчину.

Время холодное, суровое; бойцы обмундированы плохо, многие, совсем раздетые, сидели в казармах и никуда не выходили. Не успели устроиться в Гатчине, как получили приказ перебросить бригаду на финскую границу для пограничной службы. Итти из Гатчины пришлось походным порядком.

Нашим полураздетым красноармейцам, плохо питавшимся, предстояло проделать не много, не мало сто километров, при сильном морозе.

Ночью добрались до Ленинграда. Огромный город выглядел утрюмо. Темные улицы поражали своей пустынностью. Промерзшие стены домов говорили о том, что дров нет, печи не топлены. Редкие пешеходы прятались в свои воротники и сочувственно посматривали на еле идущих красноармейцев.

Вошли на Литейный мост. Фонари жалобно гудели, раскачиваемые резким, пронизывающим насквозь ветром. Он забирался под истрепанные шинели и леденил дыхание. На мосту бойцов пошатывало; многие, обессиленные, падали, поднимались и с помощью более крепких товарищей шли дальше. Наконец выбрались на Нижегородскую улицу, где было несколько потише.

С огромным трудом красноармейцы добрались до границы и сменили 1-ю дивизию. Приходилось туго с жильем и продовольствием, так как жители сами сидели

на голодном пайке и даже за деньги ничего нельзя было купить.

Штаб бригады остановился в Озерках. Я устроился вместе с бюро коллектива в одной заброшенной даче.

Пища была очень плохая: ежедневно селедочный суп и скудный хлебный паек в $\frac{3}{4}$ фунта, урезанный впоследствии до полуфунта. Работать же надо было не покладая рук. Белогвардейщина, начавшая проявлять большую активность, заставляла держаться все время начеку.

К этому же времени развернулась дискуссия о профсоюзах. Целые дни уходили на беседы с военкомами частей, на собрания, на составления донесений для подива.

Мой помощник, т. Ильин, недавно приехавший к нам, очутившись на пограничных хлебах, в какую-нибудь неделю сильно похудел, осунулся. Идет бывало по узкой тропинке через озеро на службу, а самого ветер качает. Но никогда не жаловался и работал, как вол, и, чем голоднее, тем упорнее. Все выполнял незамедлительно, четко и аккуратно, ни разу не пропуская ни одного собрания и совещания.

Резкий продовольственный и топливный кризис вызывал недовольство среди отсталых рабочих, красноармейцев и моряков Питера. Эсеры и меньшевики, демагогически используя наши затруднения, вели отчаянную агитацию против советской власти. Наша печать усиленно разъясняла положение. Так, «Красная газета» от 24/II в передовой «Долой волынку» писала: «На некоторых питерских заводах на радость явных и скрытых белогвардейцев рабочие уже который день волынят. Мелкобуржуазная расхлябанность и бесхарактерность кое-где захлестывает отдельных рабочих, и они повторяют то, что говорят меньшевики и эсеры, которые и говорят и хотели бы сделать то, что выгодно буржуазии».

И дальше: «Надо понять, что основная и общая причина топливного кризиса—слабый подвоз дров к станциям. В момент, когда рабочий класс развертывал промышленность, чтобы помочь крестьянству, последнее, его союзник, не поддержало его подвозкой дров из леса».

27 февраля Н. Кузьмин в той же газете писал: «Уже 3 месяца, как говорят белые зарубежные газеты о том, что надо все внимание обратить на Эстонию, Латвию, Финляндию и Польшу. Уже переехали давно туда все чающие и ожидающие, все политики и политиканы. И эсеровский ЦК сидит в Риге и ждет часа».

Явное сочувствие моряков Балтфлота волынщикам, игнорирование дисциплины и т. д.—все это создавало непосредственную угрозу центру революции—Ленинграду. На некоторых кораблях начали появляться листовки с требованием свободы торговли, свободы выборов, листовки подписывались «Партией—Лови момент».

Н. Н. Кузьмин незадолго до мартовских событий был назначен помощником командующего, а затем комиссаром Балтийского флота, после отъезда из Ленинграда т. Раскольникова.

Одновременно Кузьмин заведывал АПО Губкома и редактировал «Красную звезду».

Работы непочатый край. В разгаре дискуссии о профсоюзах Раскольников и начпуфлота Батис—троцкисты—разъезжали по Ленинградской области и даже по кораблям и вносили дискуссионную сумятицу.

А в это время, под шумок, контрреволюционные силы энергично вели свою предательскую работу среди моряков, активность которых кое-где начала переливаться через край.

28/II в Балтийском экипаже состоялся людный митинг. Народу собралось до 7 000 человек. Докладчики Калинин, Зиновьев и Кузьмин запоздали. Зато не запоздали «содокладчики». Они группой человек в 20 заняли передние ряды. Бестолочь, гам, крики.

— Довели Россию, нечего сказать!—разорвался высочайший моряк, сильно размахивая руками.

Ему горячо поддакивали.

— Кругом заградилка, фунта для прокормления не провезти... Отвоевали свободу. А в деревне все под метелку отбирают.

Горланы срывали выступления коммунистов, пытавшихся разъяснить положение.

Наконец пришли докладчики. Сразу же при выборах президиума поднялся невообразимый галдеж. Сидевшие в передних рядах выбивались из сил, выдвигая «своих». Тем не менее в президиум вошло большинство наших ребят и только двое бузотеров.

Калинину и Зиновьеву с трудом удалось взять в руки семитысячную аудиторию, походившую на бушующее море. Когда докладчики просто и ясно разъяснили положение и наши задачи, масса притихла.

Лишь изредка оратора прерывали возгласы:

— Тебе хорошо, а мы голодные... Мерзнем в казармах, дров нет... Вся Россия скоро вымрет...

Передние ряды, стремясь во что бы то ни стало сорвать митинг, снова подняли отчаянный шум. Кузьмин предложил президиуму перейти в середину аудитории.

Зиновьев тихо спросил Кузьмина:—Уверены ли вы, что там будет лучше? Приняты ли меры?

— Так точно,—заверял Кузьмин, а на самом деле никаких мер предпринято не было.

Но с переходом президиума в центр галдеж не унялся. Кузьмин обратился к собранию:

— Я привык видеть моряков дисциплинированными, умеющими себя вести. Здесь присутствует кучка из тех «ловимоментчиков», которые хотят сорвать митинг. Призовите их к порядку.

Масса несколько успокоилась. Ораторы воспользовались моментом и, разъяснив положение, добились наконец перелома в настроении аудитории.

В заключение собрание приняло по докладам следующую резолюцию:

...«Признаем, что единственный исход из создавшихся трудностей только в полном напряжении всех сил рабочих и крестьян. Собрание обращается в Петроградский совет, чтобы он приказал заградительным отрядам соблюдать законы и ни в коем случае у рабочих, работниц, красноармейцев и матросов-моряков, возвращающихся из отпуска, не смей отбирать продовольствие, которое они везут для себя и своей семьи. Собрание просит Петроградский совет обратиться в центр, чтобы этот порядок беспрепятственного провоза для моряков, красноармейцев и рабочих был распространен на всю республику... Кто волынит, кто жжет даром уголь в такое трудное время, тот наносит удар самому себе, тот сам будет виновен, если голод станет больше. Моряки призывают»... и т. д.

В тот же вечер резолюция была передана по телефону на все корабли и в Кронштадт.

Пубалт установил присылку ежедневных политсводок от военкомов всех соединений. Надо отметить, что к осени 1920 года в Балтфлот влилось большое пополнение из очень ненадежного элемента, служившего ранее у Деникина и других генералов. Таких особенно много попало в береговую артиллерию, на форты.

Еще 27/II, за день до митинга, Кузьмин из сводки комиссара одного из эсминцев читал (приводим буквальный текст):

«Настроение команды шатко. Из разговоров с беспартийными явствует: сочувственно относятся к восставшим рабочим. Как говорят, должна быть свобода слова, печати, а также нормальное распределение продуктов, безразлично, кто бы он ни был и какой бы пост ни занимал».

Комиссар э/м «Гарибальди» писал: «Поведение команды: большинство не отдают себе отчета, укрываются и

уходят с корабля. Охватила все́х какая-то боязнь, все сознание упало. Из коммунистов имеются лишь человек пять, которые еще держатся. Поднять дисциплину, как административную, так и партийную, невозможно».

Военком дивизиона подводных лодок сообщал: ...«имеется человек пять, которые враждебно настроены против курсантов и ведут в городе агитацию за вооруженное восстание».

Были сводки и казенного оптимистического характера. Так, из 1-й группы гидрографических судов Убеко сообщалось: «Все спокойно, настроение удовлетворительно. Важнейших сообщений нет».

Или такая сводка из 1-го морского берегового отряда: «Настроение команды удовлетворительное. Подозрительных элементов не замечено, и агитации не замечается».

1 марта в Кронштадте были назначены митинги в двух местах—на «Петропавловске» и в здании манежа (ныне клуб «Трех эсминцев»). Но толпы народа хлынули почему-то на якорную площадь,—туда «кто-то» звал, там «кто-то» действовал.

Когда т. Калинин и комиссар Балтфлота Кузьмин пришли на площадь, она была буквально наводнена моряками, рабочими и красноармейцами. Однако к трибуне протискалось несколько женщин, по внешнему виду которых сразу можно было определить, кто они и что им надо.

Михаил Иванович, несколько дней недосыпавший, чувствовал себя плохо; голос охрипший. Он настаивал перенести митинг в манеж, но сделать это было уже невозможно, так как массы совсем вышли из-под влияния руководства.

После речи Кузьмина на трибуне выступали «желаящие», ярко демагогические речи которых все больше взвинчивали слушателей.

— Заградилка, голод, холод, война кончена, а порядка нет, комиссарам и ответственным тепло, нас забыли,—все это разжигало страсти и наэлектризовывало массу.

Одинокие голоса коммунистов терялись, заглушаемые ревом озлобленной толпы.

Когда на трибуну вышел Михаил Иванович, толпа несколько успокоилась. Но ветер относил слова, к тому же огромная площадь не позволяла охватить всю массу, зачинщики же не дремали.

— Брось, Калиныч, тебе тепло,—раздавалось то из одного, то из другого угла.

— Ты сколько должностей-то занимаешь и, поди, везде получаешь!—орал бородастый красноармеец из середины толпы.

После выступления т. Калинина опять и опять враждебные лозунги, речи, выкрики.

Выступил Кузьмин. Напрягая голос, он напомнил собранию славные боевые страницы Кронштадта, Балтийского флота.

Вдруг из толпы кто-то резко крикнул:

— А ты забыл, как на северном фронте через десятого расстреливал?

— Долой! Долой!—забушевало кругом. Кузьмин старался перекричать:—Изменников делу трудящихся расстреливали и будем расстреливать. Вы на моем месте не десятого, а пятого расстреляли бы.

— Довольно, хватит!—кричали кругом,—постреляли. Нечего нам грозить, не то видали... Гони, гони его!

На трибуну вышел Петриченко. Бывший эсер, потом коммунист, он являлся затем где-то на юге с бандитами; теперь—канцелярский работник в одном из наших штабов.

Еще накануне он выступал на линкоре «Петропавловск» с лозунгом «За советы, но со свободой слова и печати для всех социалистических партий». Там старые

моряки дали ему горячий отпор: «Мы знаем колчаковские и деннинские дела эсеровской и меньшевистской сволочи; нет и не будет ей свободы!»

Петриченко и здесь на митинге вытацил свою программу. Его путанные лозунги: «За свободу», «За советы», «За уничтожение заградилков», смешались в явно эсеровскую белиберду.

Офицерство и офицерские жены яростно поддерживали Петриченко.

В конце концов митинг вынес постановление о выборах делегатов от всех частей на собрание, назначенное на 2 марта в инженерном училище.

Выборы делегатов производились вечером и в штабе крепости. Тут впервые и выступил с речью бывший генерал Козловский, в то время начальник артиллерии Кронштадтской крепости: немного о положении вообще, немного о событиях, а в результате—долгой коммунистов.

Ему резко ответил комиссар Громов.

Козловский смылся, и выборы прошли без него.

К вечеру почувствовалось, что Козловский, Петриченко и прочая братия уже действуют.

Немедленно был усилен наряд часовых, которым дали инструкцию—никого не выпускать из крепости.

Когда т. Калинин поехал на Ораниенбаум, его задержали и сообщили, что выезд запрещен.

Тов. Калинин вернулся в штаб крепости. Он был пропущен только после настойчивого требования Кузьмина, звонившего по телефону на Петропавловск.

★

3 марта рано утром комендант крепости выехал на Сестрорецк. Кузьмин поручил ему подробно информировать т. Зиновьева о положении в Кронштадте.

— Стоит ли вам оставаться?—говорил комендант Кузьмину.—Надо, пока не поздно, выбраться отсюда, ибо дело безнадежное.

— Нет, я останусь: попробую еще быть на делегатском собрании.

— Я советую уехать,—настаивал комендант.—Лошади нас ожидают, через час мы будем уже в Сестрорецке.

Кузьмин решительно отказался:

— Попытаюсь использовать коммунистические силы, тут партшкола, политсостав. Возможно, мы еще успеем захватить хотя бы северные форты «Риф» и др.

Комендант уехал, но в Сестрорецке его арестовали и выпустили только на другой день.

2 марта в зале инженерного училища состоялось делегатское собрание. Сильное возбуждение. Масса толков и предложений. Все те же разговоры о перевыборах советов, о снятии заградительных отрядов.

Руководящая группа уже ясна. Петриченко предлагал объявить «свободу слова и печати для всех социалистических партий». Собрание протестовало.

Дали слово Кузьмину. Он начал разъяснять всю пагубность затеянной эсерами заварухи. «Вожди-то сбегут, а вам отвечать придется. Надо изменить положение, пока не поздно».

В этот момент кто-то увидел в окно курсантов партшколы, которые вытянулись цепочкой, шли на форт «Риф» по заданию Кузьмина. Тотчас же поднялся невероятный гам:—«Ты тут говоришь, а сам вызвал буденновцев», «Долой», «Расстрелять его», «В тюрьму; посадить».

В окружении большой толпы Кузьмина и других видных партийцев доставили в тюрьму. Вскоре там собрали около 200 партийцев.

5 марта служители тюрьмы передали арестованным, что всех их предполагают спустить под лед.

— Удовольствие небольшое,—послышалось из угла камеры.

— Что ж это они, сволочи, холодно ведь, а тут под лед полезай!—с безнадежным юмором проговорил кто-то.

— Только бы не заорать, когда толкать будут,— вспоминал впоследствии Кузьмин.

Однако через два дня отлегло: по словам тюремщиков арестованных решили расстрелять. Для этой цели выпустили будто бы уголовных, так как на «матросов надежды нет».

— Это хоть почетная смерть, а то выдумают, черти,—под лед!—шутил военком 91-го полка.

Вскоре во дворе появились пулеметы.

Через некоторое время известили, что «в расход пустят не всех: головку заберут в Финляндию для «товарообмена». К арестованным частенько заходил, по обыкновению пьяный, комендант тюрьмы Вершинин. Иногда он выстраивал их и нес всякую галиматью. Однажды, едва стоя на ногах, заллетающимся языком он заявил:

— Скоро будет Парижская коммуна, вот я вам и устрою праздник.

У арестованных постепенно отобрали все: ножи, карандаши, деньги, документы и, наконец, сняли даже сапоги.

— Мы ходили рубить дрова, топили баню,—рассказывал после Кузьмин,—по вечерам собирались в одну камеру, подолгу беседуя на политические темы.

Арестованные, крепко спаянные в дружную группу, держались стойко. Правда, человек десять струсили и заявили о выходе из партии, но это не изменило их положения; они из тюрьмы освобождены не были.

Особенно изменнически вел себя Ильин, бывший продработник крепости.

После отправления коммунистов в тюрьму, он остался работать на мятежников, заявив о своем выходе из партии. Однако его через два дня также отправили в тюрьму; тут он ныл, жаловался, встречая презрительное отношение к себе со стороны остальных арестованных, партийцев.

В бригаде все завертелось кувыркoм. Целыми днями я пропадал в штабе и даже обедал там. Только поздно вечером урывал время для своего дневника.

2 марта я записал:

«В пять часов утра от коменданта Петрукрайона т. Булина получено извещение, что в Кронштадте не все благополучно. Бригаду и бригадную школу привели в боевую готовность. Утром вызвали в дивизию. Приказано: «Всеи коммунистам и комиссарам быть неотлучно на своих местах; во всех помещениях обязательно поставить дневальных, вооружив их винтовками. Посторонних в помещения не допускать. Без особых надобностей красноармейцев из помещений не распускать». Все распоряжения отданы. Коммунисты вооружены и поставлены на свои места. В штабе установил политическое дежурство».

3 марта:

«Кронштадтские моряки, обманутые эсерами, подняли бучу. Усиливаем Сестрорецкий участок. В самый Сестрорецк посланы полковые школы 91-го и 92-го полков. Туда же выехали мой помощник Ильин и помощник военкома артиллерии Кау¹—Федоров, начальник Особого отделения по охране финской границы Жуков и еще ряд ребят. Начальником гарнизона в Сестрорецке назначили командира 91-го полка т. Кляро, военкомом т. Соснина (того же полка). По сведениям из дивизии в Питер прибыл эшелон московских курсантов, завтра будет в Сестрорецке, связь с Сестрорецком начала исправно работать только с полудня. Ильин сообщил:

— Послали делегацию в Крондштадт, чтобы выяснить подробности и, если возможно, сговориться. В составе делегации были начальник Политуправления Балтфлота Батис, военком 91-го полка—Соснин, помощник во-

¹ Карельский арт. участок.

енкома артиллерии Федоров. На форт «Тотлебен» всех наших делегатов арестовали и отправили под конвоем в Кронштадт. Послали вторую делегацию из красноармейцев: результатов еще нет. В одиннадцатом часу утра послали на форт «Тотлебен» 200 человек пехоты. Моряки приготовили свои пушки и пулеметы. «Без боя, говорят, не войдете». Пехота пролежала некоторое время около форта и вернулась обратно.

4 марта:

«Получили известие, что во главе восставших бывший генерал Козловский, Петриченко и Вершинин. Кто-то распустил ложный слух об убийстве Козловского. Приехал чрезвычайно уполномоченный по Карельскому участку т. Рубен-Друлла. Смертельно усталые, сидим в штабе, ждем сводок. Хотя бы вздремнуть часок-другой».

8 марта.

«Только что приехал из Сестрорецка: 7-го мятежникам послан последний ультиматум за подписью Зиновьева: или сдавайтесь, или штурм. Ответа не последовало. Тухачевский принял командование войсками, сосредоточивающимися против Кронштадта. Вечером в Сестрорецк приезжал Троцкий. Побыл недолго в штабе Северного участка и уехал обратно».

Командование Северным участком принял т. Казанский, комиссаром назначен т. Угланов. Сформирован Политотдел Северного участка во главе с т. Гурвич. Таким образом ответственность за Сестрорецкий участок с нас спала. Но не терпится, уезжать не хотели, решили пойти в наступление вместе со своими школами, из которых создали отдельный отряд.

— Ну что, опять воевать будем?—встретил Гурвич меня.

— То на суше воевали, а теперь вот пехотным боем на море попробуем.

— Пехота значит против кораблей пойдет,—шутил Гурвич.

— Корабли так корабли, не все ли нам равно, вот дай насчет отряда из наших школ потолкуем.

Комиссаром этого отряда Политотдел назначил т. Мокеева питерского рабочего, прибывшего по партмобилизации.

В 7 часов вечера протяжно рывнуло орудие. Дали первый выстрел по мятежникам. Все мы насторожились в ожидании: ответят ли они на снаряд снарядом или запросят пощады.

...И запросили... Так начали зажваривать по Лисьему Носу, по Сестрорецку, что только мерзлые комья полетели во все стороны. На один наш снаряд ответили десятком. Бьют мерзавцы прямо по нашим батареям: снаряды сразу начали ложиться рядом с орудиями. Такая меткость объяснялась тем, что у Козловского в крепости имелся план всего Карельского артиллерийского сектора. Наши артиллеристы, сообразив это, перетасили пушки на другие места и начали вновь посылать изменникам железные гостинцы. Но крепостные пушки били неизмеримо сильнее наших трехдюймовок.

В Сестрорецке при первых же выстрелах были выбиты окна в некоторых домах. Грохот от рвущихся снарядов глухим эхом отдавался в Сестрорецкой роще.

Артиллерийский поединок продолжался до поздней ночи. Из Кронштадта забежали по снегу торопливые лучи прожекторов, прощупывавших все пространство до Сестрорецка.

— Завтра с утра идем в наступление, — объявил Казанский, возвратившись с Лисьего Носа.

Я спал в штабе батальона. Утром с комбригом Михайловым пошли проведать бригадный отряд. Зашли в подив. Гурвич ко мне:

— Плохо, брат! Ваши красноармейцы под утро заявили, что они отказываются наступать.

— Как так? — опешил Михайлов.

— На берегу, говорят, сколь хошь будем драться, а на лед не пойдем.

— Ну, и что дальше?—торопил я.

— Сначала я послал туда инструкторов; ничего не вышло. Пошел сам. Ты ведь знаешь, говорить я с этой братвой умею. Загнул речь. Вижу, зашевелилась. А потом в один голос: «А все-таки не пойдем».

— Едем комиссар,—обратился ко мне Михайлов, выслушав Гурвича, и мы помчались к зданию бывшей гимназии, где расположился отряд. Пришли. Комбриг собрал комсостав:

— Почему красноармейцы не идут в наступление?

— Тов. комбриг,—волнуясь начал докладывать начальник отряда,—принимали все меры, ночью у людей было прекрасное настроение, а утром—не хотят идти, и кончено.

— Сейчас же по своим местам! Вывести людей!—приказал комбриг.

Пришли в громадный гимназический зал. Красноармейцы стояли вплотную друг к другу. Их штыки внушительным частоколом смотрели вверх.

Комбриг приказал:

— Начальник отряда подавайте команду.

— Кругом!—зычно прокатилось по залу.

Все словно замерли. В рядах красноармейцев—ни единого шевеленья. Комбриг начал нервничать. Бывал он в отчаянных переделках и переплетах, но никогда еще не было случая, чтобы красноармейцы отказались следовать за ним, старым испытанным командиром, в бой.

— Комполитсостав, ко мне,—скомандовал Михайлов.

Вышли опять в отдельную комнату. Я спросил у политруков, не заходил ли кто-нибудь ночью в помещение.

— Никого не было, мы все время с красноармейцами... Песни вчера вместе распевали... Что случилось—сами не знаем.

— Даю всем вам 5 минут сроку, — обратился комбриг к комсоставу. — Идите к красноармейцам, разъясните задачу, и чтобы в это время они были выведены. Иначе всех отдам в трибунал.

Пошли. Начальник отряда вновь скомандовал:

— Кругом!

И опять никто. Бойцы попрежнему стояли молчаливые. Ни у одного не дрогнул мускул.

Обескураженный начальник отряда неловко замялся, Михайлов с отчаянием посмотрел на меня, как будто спрашивая: «Что же делать?»

Я обратился к бойцам с небольшой речью. Разъяснив кратко величайшую ответственность момента, я указал им, что отказ от выступления на помощь курсантам, которые уже дрались на льду, тягчайшее, позорнейшее преступление перед своими товарищами.

Красноармейцы слушали меня с необыкновенной серьезностью и вниманием, и я уже с радостной уверенностью закончил речь горячим призывом немедленно выступить в бой.

Но я жестоко ошибся. На новую команду красноармейцы продолжали стоять, как вкопанные. Сзади лишь тихо-тихо произнесли: «Не хопь, а иди, как в старое время», «На льду-то, что мы сделаем, потонем все»...

Кровь бросилась мне в виски. Я выхватил наган и быстро подошел к левофланговому:

— Пойдешь?

Вышел, ко второму — вышел, к третьему — вышел. Остальные вышли сами.

Вот и море — ледяное, засыпанное снегом. В полкилометре от берега к фортам под сильным огнем быстро продвигались цепи курсантов. Морские пушки, не переставая, выплевывали свои железные глыбы. Снаряды глубоко пробивали лед саженной толщины, как будто это была тонкая, тонкая пленка, которая покрывает осенью тихую гладь воды. Ревущий снаряд падал и мигом

скрывался подо льдом, выбрасывая вверх при разрыве воду, лед, камни.

Наш отряд стал выходить на лед. Вначале красноармейцы робко жались к берегу, боясь вступить на ледяную корку. Но труден был лишь первый шаг. Стоило только бойцам выйти, как все они быстро зашагали вслед за курсантами.

Моряки перенесли огонь по нашим цепям. Совсем рядом разорвался снаряд. Нас обдало комьями мерзлой земли и льда.

Комбриг выругался, отряхнулся и, не останавливаясь, пошел дальше. По пути встретили т. Угланова. Он был с утра здесь и все время подбадривал красноармейцев: «Ну, ребята, давай, давай, шагай веселей, оно лучше будет».

Навстречу несли раненого красноармейца. Санитаров нет, поэтому красноармейцы обрадовались случаю: шесть человек бросились к раненому. Угланов к ним: «Что же вы, товарищи, шестеро одного несете. Пусть двое останутся, а остальные в цепь».

— Да мы, тов. начальник... помогаем, он сильно тяжело ранен,—ответили те и торопливо двинулись к околотку. Я остался с Углановым, направляя подходившие цепи.

Впереди прокатилось звонкое «ура!» Люди скрылись в тумане, немного спустя стало известно, что наши заняли крайний номерной форт.

Вскоре я получил донесение от Можеева:

«Тов. комбригу и комиссару 31-й бригады.

Довожу до вашего сведения, что заняли форт № 17. Поступили в распоряжение шестых курсов и решили совместно с ними вести наступление. Нас встречают пулеметами; у них проволочные заграждения. О дальнейшем извещу дополнительно».

Через полчаса принесли второе донесение.

«Комбригу и комиссару 31-й бригады.

Довожу до вашего сведения, что все, как коммунисты, так и красноармейцы, в наступление итти категорически отказались. Как товарищ Шахлевич, так и я, Мокеев, все свои силы отдавали, так и комиссар сводного полка курсант т. Степанов все меры принимал, но ничего не действует; определенно отказались итти дальше, так что находимся в очень критическом положении.

Мокеев».

В чем же причина быстрой смены в политико-моральном состоянии бойцов? Оказалось так: отдав 7-й форт, моряки открыли по нему такую канонаду, что всех охватила паника. В кубриках находился пироксилин, который мог в любую минуту взорваться.

Итти вперед не было никакой возможности. Взят пока только один и к тому же третьестепенный форт; предстояло взять все шесть, не говоря о самом Кронштадте.

Я показал донесения Угланову, и мы пошли в штаб участка. Казанский быстро принял решение: приостановить наступление, а вечером людей оттянуть обратно.

— Как?—запротестовал я.—Столько усилий приложили, взяли один форт, а теперь отдавать. Надо хоть небольшой отрядик там оставить, закрепить форт за нами.

— Не имеет смысла. Надо подтянуть из Питера больше сил и быстрым ударом сразу занять все форты и самый Кронштадт. Иначе ничего не выйдет.

Вечером отошли...

Вернувшись в штаб бригады, я завертелся, как белка в колесе. То в полки, то в дивизию, то опять в Сестрорецк,—езде нужно было поспеть. На Сестрорецк каждый день прибывали поезда с пехотой, артиллерией, продовольствием, обмундированием. Не по дням, а по

часам крепла мощь обоих участков—Южного и Северного. Главный удар решено было нанести со стороны Южного участка, командование которым осуществлял т. Седякин; комиссаром приехал т. Ворошилов.

Вскоре для укрепления действующих частей прибыли делегаты X партсъезда. Они влились рядовыми бойцами в роты, взводы и отделения, поднимая в них революционную дисциплину. Партия делегатов попала и в нашу бригаду. Был уже вечер, когда они явились в штаб. Ночевать было негде, и я повел их к себе. Мы с Ильиным пытались выяснить военный стаж товарищей, чтобы дать каждому из них по возможности знакомую работу. Но один из них заявил:

— Тов. комиссар, ты посылай нас поближе к красноармейцу, да туда, где поопаснее место. Нам не привыкать.

Так и решили.

Утром всех их направили в Сестрорецк в бригадный отряд в качестве политбойцов. В штабе меня ждал ординарец из 93-го полка. Приняв от него пакет, я прочел:

«Комиссару 31-й бригады.

При сем препровождаю два экземпляра газеты кронштадтских мятежников, переданные мне красноармейцами. Газеты найдены на участке полка.

Военком 93-го полка Томах.

10 марта 1921 года».

Я развернул газетный лист:

«Известия временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих гор. Кронштадта. Воскресенье, 6 марта 1921 года».

Передовая этих «Известий» шла под заголовком: «Господа или товарищи» и пестрила морскими терминами:

«Кронштадтские моряки и мозолистые руки рабочих вырвали руль из рук коммунистов и стали у штурвала.

Но будьте, товарищи, на-чеку. Путь, усеянный подводными камнями, ведет вас к фарватеру.

Зорко охраняйте, товарищи, штурвальный мостик, к нему уже подбираются враги».

Дальше воззвания, резолюции, а в конце неизменное:

«Да здравствует власть свободно избранных советов».

Я удивился тому, что газеты оказались на участке полка, который был расположен в 50 километрах от Сесторецка и своим правым флангом касался Ладожского озера. Направив один экземпляр газеты в подив, я написал т. Томах:

«Проинструктировать партсостав, указав, что восставшие пробуют вести письменную агитацию среди наших частей.

Партийцам добиваться у всех красноармейцев немедленной передачи воззваний, газет военкому полка.

Последнему* получасные материалы немедленно направлять в бригаду, развернув среди красноармейцев разъяснительную работу».

★

С увеличением пайка настроение красноармейцев стало заметно подниматься. Всякие разговоры о демобилизации, о тяжести службы прекратились.

Кронштадт в это время наладил связь с Финляндией и Эстонией. Восставшие получали отовсюду сочувственные телеграммы; казалось что вот-вот и возникнет целый белогвардейский фронт. До 16 марта ни с той ни с другой стороны активных действий не было. Весеннее солнце уже растапливало лед. Кое-где появились проталины. Это создавало сильную тревогу за состояние нашего пути к Кронштадту. А затягивать операцию было нельзя; над столицей революции—Петроградом—повисла бы неминуемая угроза обстрела с линкоров «Севастополя» и «Петропавловска», находившихся в Кронштадте в руках мятежников.

Наступило 17 марта—день решительного сражения нашей пехоты за обладание морской крепостью. Вот как описывает бой 32-й бригады комбриг Рейтер в № 1 журнала 11-й дивизии:

«До получения приказа о наступлении на Кронштадт были сделаны все подготовительные работы, и в 1 час ночи полки тронулись с места расположения, дабы к 2 часам прибыть на указанное в приказе 32-й бригаде сборное место—кудальня у Ораниенбаумской колонии.

Головные колонны, ударный батальон, 95-й полк и головные роты 94-го полка одеты в белые халаты, остальные за недостатком халатов в обычной одежде.

Все двигаются молча, только изредка слышатся шутки одного или другого товарища по адресу кронштадтских клешников.

Но вот и первые дома Ораниенбаумской колонии. Отсюда бригада должна свернуть к купальне и выйти на лед залива. На узенькой дорожке, занесенной снегом, набились двигающиеся роты. На задаваемые красноармейцам вопросы, как у них на душе, все отвечают: «Даешь Кронштадт».

Бригада на берегу моря. Тихо проходит ударный батальон, за ним следуют подводы с лестницами, салазки с пулеметами и санитары. Далее следует 95-й полк, за ним 94-й и последний—96-й резервный.

Все двигаются недалеко друг от друга, связываясь с дозорами, высылая вправо и влево для охраны пехоту и конные дозоры.

Ночь довольно светлая. Вдали виднеются щупальцы мятежников—лучи прожекторов, ищущие красных, но их лучи направляются в другую сторону, и на душе становится легче. Красные боятся главным образом, чтоб их не заметили слишком рано, не открыли бы артиллерийского огня и не смогли бы подготовиться для встречи ружейным и пулеметным огнем, но, видимо, даже сама природа покровительствовала бойцам.

Луна, освещавшая движение, закрывается тучами, и красноармейцы невидимы для противника. Стало темнее. Колонны тем временем продолжают идти на север, кругом гробовая тишина, только слышится шум от треска льда и шуршание замерзшего снега под ногами. На душе у всех боязнь, большинство идет молча, лишь изредка кое-где слышно какое-нибудь замечание или шуточка. Но это не боязнь смерти, никто не дорожит своей жизнью. Это боязнь как бы бригаду не заметили; надо подойти по возможности ближе необнаруженными, чтобы бригада смогла выполнить возложенную задачу с наименьшими потерями.

Прожекторы тем временем делают свое дело. Иной раз луч падает прямо на движущуюся колонну, и сердце в груди замирает, но нет, луч скользит дальше, и полки продолжают свой путь.

За колонной тянется двойная телефонная линия для связи со штабом дивизии и южной группой. От соседа слева сведений нет. Правее бригада никого не имеет. Телефонисты и мерщики докладывают комбригу, что прошли от берега на север 7 километров. Идут еще с километр вдруг в мертвой тишине раздается винтовочный выстрел, а за ним несколько орудийных. Это наступала на северные форты со стороны Сестрорецка северная группа.

В то же время с левой стороны с участка 87-й бригады слышались винтовочные, а за ними и пулеметные выстрелы. 187-ю бригаду заметили. С «Петропавловска» и «Севастополя», стоящих в военной гавани Кронштадта, открывается артиллерийский огонь. В ответ на это красная артиллерия, расположенная в огромном количестве по Ораниенбаумскому берегу и на Красной горке, открывает сокрушительный огонь по Кронштадту и фортам.

32-я бригада несмотря на энергичную работу прожекторов все еще продолжает двигаться незамеченной, ибо бойцы хорошо замаскированы.

Оказывается, бригада прошла по прямому направлению 9 километров и должна разбиться на группы и приступить к штурму. Следует команда командира бригады «рассыпаться в цепь» и атаковать противника. Начинается движение отдельными цепями. Прошли еще четверть километра. До города остается один километр, вдруг на бригаде остановились лучи прожектора, и впереди затрещали пулеметы.

Раздались громкие крики «ура!» Кругом трескотня и свист пуль, прямо как в аду. Через головы с визгом пролетают несколько снарядов и разрываются далеко позади. Противник не мог установить точного прицела, так как красноармейцы подошли слишком близко. Началась артиллерийская канонада картечью.

Со всех сторон слышатся стоны раненых. Красные цепи, открывая сильный ружейный огонь и фланговый пулеметный, стремительно двигаются вперед.

Враг опомнился. Снаряды начинают рваться прямо в цепях, наступающие цепи освещаются ракетами, но это не помогает.

Все сильнее сквозь трескотню пулеметов, ружейных и орудийных выстрелов слышится могучее красноармейское «ура».

Подошли к проволочным заграждениям и залегли, но только на время. Режется проволока, и снова стремительная атака, и несколько пулеметов и 6 орудий в наших руках. В 5 часов 30 минут высоко в воздухе взвивается зеленая ракета, сигнал, что части ворвались в город.

Уже при овладении проволочными заграждениями пришлось бросить для усиления резервные части (1-й батальон и пешую разведку 96-го полка). В наших рядах громадные потери убитыми и ранеными, а фронт, ввиду отсталости соседа слева, все расширяется. Бросается последний резерв, но и этого мало. Требуем подкрепления через штадив из 79-й и 80-й бригад, но эти

резервы, вместо того чтобы следовать в одном километре за наступающими колоннами бригады, находятся в селе Мартышкино (в 9 километрах от Кронштадта) и оказать быстрой поддержки не могут.

Части 32-й бригады, а также вступившие вслед за ними части 187-й бригады, продолжают с боем подвигаться вперед, но силы слишком малы, притом незнакомство с городом дает возможность противнику обойти ворвавшихся через крытые проходы (в районе Якорной площади) и подвергнуть наши наступающие части сильному перекрестному ружейному и пулеметному огню, что заставило их немного отойти назад до кронштадтской пристани. Здесь происходит небольшая остановка, ибо с имеющимися силами дальнейшее продвижение невозможно, и приходится поджидать выступившие на подмогу резервы.

При одолевании передовых подступов к городу ранено и убито много красноармейцев и комсостава. Среди раненых комбриг т. Рейтер, начальник ударного отряда т. Шалин; среди убитых — помощник комиссара 96-го полка т. Адаминас.

Командование бригады поручается начальнику штаба тов. Ильинскому. Стало уже совершенно светло. Видно, как по льду следуют к городу резервы 79-й и 80-й бригад. Противник их заметил, и на них сосредоточивается артогонь из 12-дюймовых орудий с «Петропавловска» и «Севастополя».

Обе бригады залегают на льду. Со стороны самой крепости и фортов сыплются снаряды по залегающим цепям. Но вот первая поднимается 80-я бригада и с красными знаменами стремительно приближается к Кронштадту. Бригада с замиранием сердца следит за каждым снарядом, рвущимся с треском над цепями. Головные цепи достигают крепости и вступают в город. Их встречает облегченный вздох находящихся в городе: помощь пришла. С 80-й бригадой пришли в город начдив т. Ды-

бенко и комиссар Южной группы г. Ворошилов и др. Начинаются усиленные бои в самом городе. Мятежники закрепились в каждом доме и каждом сарае. Стреляют из окон, чердаков и подвалов. Приходится выбивать из каждого дома. Поперек Петроградской улицы за каналом, в Машинной школе, засели мятежники. На середину улицы выкатывается 3-дюймовая пушка, и прямой наводкой дается несколько выстрелов по Машинной школе, но попытка таким образом выбить засевших мятежников кончается неудачей—стены здания слишком толсты.

Бой на улицах города продолжается весь день. В результате масса убитых и раненых, но занят только один квартал города. Наступает ночь. Стрелки и командиры страшно устали, но тем не менее все на своих местах, готовые отразить ожидаемую с минуты на минуту контратаку мятежников.

В 3 часа утра 18 марта бригада узнает, что часть мятежников под покровом ночи бежала в Финляндию, а часть, в том числе и команды «Петропавловска», «Севастополя» и Машинной школы сдались.

Вечером 18 марта ко мне пришел освобожденный из Крошштадтской тюрьмы военком 91-го полка Соснин.

Поглаживая свою лысую голову, он уселся поудобнее и рассказал:

— Когда красные пошли в первое наступление, у тюрьмы зашевелились. Один из тюремных сторожей, видимо наш парень, принося хлеб, умудрился кой-что шепнуть нам. Он считал, что нас с минуты на минуту пустят в расход. Так досидели до второго наступления. Слышим совсем рядом пальба. У тюрьмы беготня, защелкали затворами. Беда, думаем. Начали дверь вышибать доской. Не поддается. И вдруг у дверей с наружной стороны поднялась возня. Оказывается уже подошли

наши. Общими усилиями открыли дверь, обезоружили караул, оделись и в город. Влились в колонну дерущихся. Кузьмин впереди. Схватил он где-то железный болт, так с ним в бою и носился. Ну, а потом наши части докончили очистку города, и мы, как видишь, приползли восвояси.

Итак, 18 марта, в день годовщины Парижской коммуны, Кронштадт стал вновь красной советской крепостью. Эсеро-меньшевистская авантюра, на которую поддались моряки-кронштадтцы, дорого стоила рабочему классу Советской республики. Наши потери: убитых красноармейцев—86, комсостава—8, раненых красноармейцев—187 и комсостава—25. Без вести пропавших: красноармейцев—205, комсостава—7. Потери коммунаров—40 человек.

Трофеи: пленных 932 человека, пулеметов—5, винтовок—742, шестидюймовых орудий—4, трехдюймовых—4, не считая морских, и масса патронов.

Похороны погибших бойцов состоялись при огромном стечении многочисленных рабочих организаций и красноармейских частей, пришедших отдать последние почести своим боевым товарищам, отдавшим жизнь за победу над последним оплотом внутренней контрреволюции.

